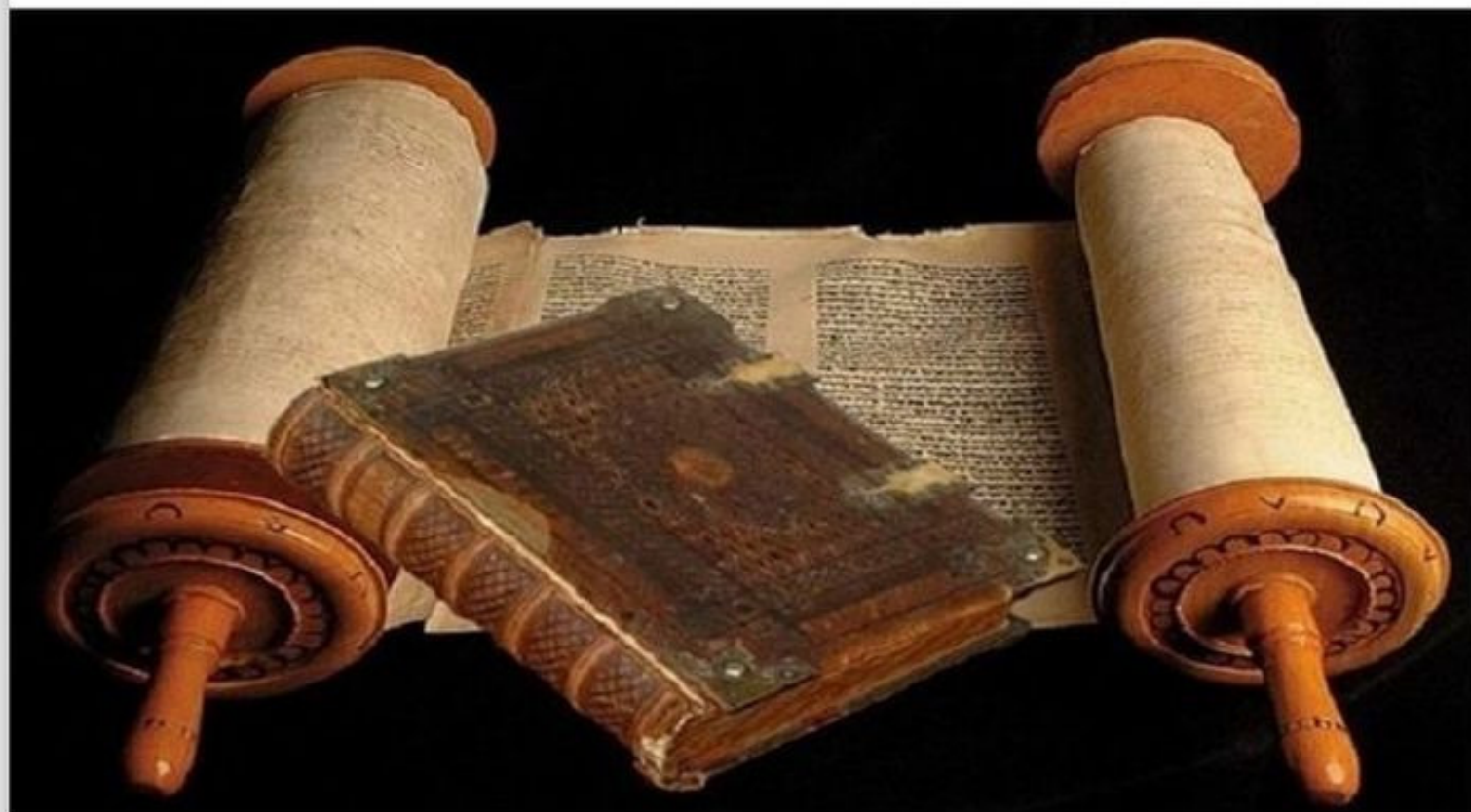


18+

Алик Серебров



# ДВЕ ЛИИ И ИАКОВ

Книга 4

Алик Серебров

**Две ЛиИ и Иаков. Книга 4**

«Издательские решения»

## **Серебров А.**

Две ЛиИ и Иаков. Книга 4 / А. Серебров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-627690-1

Прошло два месяца с момента, когда сознания девушек, разделенных тремя веками, объединились в разуме Лии, правнучки патриарха Авраама, ставшего «отцом множеств». За это время Адат и Тарбит (псевдонимы подруг для общения в мысленном разговоре), выжили, преодолев множество препятствий. Еще не весь путь пройден, чтобы выполнить предзнаменование: стать праматерью народа. Ничто не происходит случайно. Лие приходится бороться за будущее, но путь, описанный в Торе и Библии, будет преодолен.

ISBN 978-5-00-627690-1

© Серебров А.  
© Издательские решения

# Содержание

Книга 4	6
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

# **Две ЛиИ и Иаков**

## **Книга 4**

**Алик Серебров**

© Алик Серебров, 2024

ISBN 978-5-0062-7690-1 (т. 4)

ISBN 978-5-0059-9631-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Книга 4

«Средства для достижения цели всегда имеются.  
Их надо только увидеть в том, что тебя окружает».  
Дэн Браун. «Ангелы и демоны».  
«Все приходит в свое время  
для тех, кто умеет ждать».  
Оноре де Бальзак

## Часть 1

### Глава 1

Что может быть приятнее для истерзанной души, чем спокойный вечер в кругу искренних друзей, когда не заботит необходимость следить за происходящим, все время быть начеку, ожидать коварного подвоха. Это завтра предстоит снова распутывать целый ворох проблем, метаться с места на место, пытаться оказаться в нескольких местах одновременно, а сейчас хочется полностью отключиться от преследующей суеты и жадно черпать живительную энергию маленького мирка покоя.

Четверо таких разных людей, которые до недавнего времени даже не подозревали о существовании друг друга, мирно беседовали в маленьком садике под развесистой яблоней. Здесь, в центре Харрана, в это вечернее время уже не было слышно городского шума или звуков караванного тракта. Солнце покидало небосвод, пыль, поднятая тысячами колес, ног, копыт, оседала; крики людей, верблюдов, ослов затихали, наступало время отдыха. Нет, скорее время перехода от одного состояния, работы и неизбежных хлопот, к другому – неспешного разговора и спокойных раздумий.

Лиe совсем не нужно было представляться здесь ни беззащитной полуслепой простушкой из недалекого поселка, ни состоятельной авилумой, ни подругой всемогущих богинь, а то и вовсе их посланницей. Можно быть самой собой, никто не будет допытываться о твоих чувствах и приставать с советами. Ей было более чем достаточно последнего сумасшедшего дня в поселке, когда приходилось иметь дело со взрослыми мужчинами. Иногда доказывать им, что в теле молодой женщины кроется сила и воля опытного бойца, а иногда давать указания, пытаясь представить их как просьбы слабой девушки. Тарбит и Адат, два сознания, нашедшие убежище в разуме ЛиИ, одновременно почувствовали необходимость отдыха, да и тело ЛиИ нуждалось в покое, которое просто немислимо было отыскать в родном доме. Едва только ЛиИ-Тарбит смогла решить очередную проблему в поселке с новым владельцем корчмы, все три сущности, волею Создателя собранные воедино, не сговариваясь, заторопились в город.

Нет, поспешный отъезд из поселка не был вызван необходимостью. Но находиться в полутьме столовой за одним столом с угрюмо молчавшей семьей было выше их сил. А если при этом твои глаза заволкло туманом, и ты можешь полагаться только на свои ощущения, напряжение превышает все человеческие возможности. Сидеть и выслушивать угрюмое чавканье Лавана, вздохи Иакова и посапывание Рахели особой радости не доставляло. Оставалось только пережевывать ячменную лепешку или надоевший финик и перебирать в уме прошедшие события. Хорошо хоть, что сознания Адат и Тарбит могли обмениваться мыслями, переговариваться, так, что окружающие оставались в неведении. Но сколько можно толочь воду в ступе, обсасывать одно и то же, строить планы, над которыми потом посмеются боги, вновь и вновь повторять слоги клинописи! И все это в обстановке тоски, пропитавшей всю комнату... да что там, весь дом..., нет, все поместье Лавана. И если радужные перспективы близкого обогащения могли порадовать хозяина, то предстоящее расставание Иакова и Рахели никак не могло добавить настроения. Да и переживания Адины за дочерей угадывалось в тишине столовой. ЛиИ уже провела несколько вечеров в подобной обстановке, и повторять подобные эксперименты не имела никакого желания. Слава богам, или богу, или собственной сообразительности и решительности, она теперь могла не испрашивать ничьего разрешения для своих действий. Просто ставила в известность, а чаще обходилась без этого. Скрипя зубами, все смирились с необходимостью прислушиваться к ее мнению.

Но все это сейчас было далеко. А вот пальцы Рабити, ласкающие ладонь, были здесь, рядом. Две женщины, молодая полная сил и надежд ЛиЯ и искалеченная Рабити, чью душу ей удалось излечить, черпали друг у друга жизненную энергию. Ее неиссякаемый поток пронизывал души, настроенные на одну волну, вызывал приятные воспоминания, заставлял закрывать глаза в приятной истоме.

Даже Устад и Чензира не нарушали тишины разговором. Под вечерним освежающим ветерком трепетали листочки на ветках старой яблони, куст жасмина неназойливо посылал сидящим приятный аромат, из сарая доносился невнятный шум, созерцание спокойных друзей настраивало на философский лад, спокойная расслабленность – вот, вероятно, слово, которым можно было описать состояние собравшихся. Как ни странно, первым нарушил молчание Устад.

– Рабити, я обещал тебе, что нам не придется скучать после того, как однажды ночью в нашу калитку постучала необычная девушка, сопровождаемая отцом? – голос Устада звучал иронично, – и могу спорить, что ее сегодняшнее появление принесет нам немало приятных минут. А те новости, если, конечно, мы их сможем услышать, доставят нам в будущем немало приятных часов воспоминаний и обсуждений.

– Устад, оставь бедную девочку в покое, – сердитое ворчание кормилицы стало ответом на неуклюжую попытку завязать разговор, – не знаешь, разве, что только здесь она может отдохнуть от бесконечных забот и испытаний, которым ее подвергают боги и люди. Тебе мало той игрушки, которую она вам подарила? Я имею в виду...

– Тахаз. Я помню, кому обязан тому удовольствию, которое получаю даже от вида невзрачной клетчатой площадки для битвы. Но сегодня не тот вечер, когда я смог бы наслаждаться умственным поединком. Нет соперника. Что ж. С одной стороны, вы не можете противостоять мне, да и подобные игры вас не прельщают. С другой – я представляю столько же интереса для Чензира. Он будет только из вежливости передвигать башенки и делать вид, что напряженно думает. Оно нам нужно? Пустая трата времени. Именно поэтому я решительно потребую у нашей прекрасной знакомой развлечь нас новыми подробностями совершенно невероятных приключений, что произошли с ней в последние дни. Да и о том, что было, раньше мы еще не все знаем, – насмешливые нотки в голосе Устада крепили. Прекращение разговора явно не входило в планы хозяина. – Сама посуди: на огород вместе съездили? Съездили. Я о тыквах и бобах все рассказал? Все. Люций остался доволен? Остался. Получается, что я самый несчастный на свете старик, которого никто не любит и которому никто ничего не рассказывает.

– Уважаемый Устад, – отозвалась ЛиЯ-Тарбит, – ну как вы можете заставлять краснеть скромную девушку. Все-все расскажу, ничего не скрою. Ну почти ничего. С чего начинать? Только не очень далеко. Если все вспоминать, одной ночи не хватит.

– А зачем женщине раскрывать все свои тайны? Так она станет неинтересной, и рискует оказаться в одиночестве среди перешептывающихся сплетников. Ее достоинства немедленно превратятся в недостатки, а последние, действительные или мнимые, вырастут до невероятных размеров. Мне до сих пор интересна история с заброшенным участком, – со стороны Чензиры послышался шорох, – на котором выросло денежное дерево.

– Конечно. Все изложу, ничего не скрою. Только начать придется с того момента, когда толпа на площади, где проходило судилище, ахнула в недоумении, – улыбаясь отозвалась ЛиЯ. – Народ не поверил своим ушам, когда услышал, что победительница в процессе, сумевшая пройти испытание Рекой, в качестве главного приза получает убыточный кусок земли. Но ведь ты помнишь, уважаемый Устад, что пустырь я приняла только потому, что была обязана взвалить на свои хрупкие плечи заботы о нем, ибо так написано в законах Хаммурапи. Я уверена, что мои слова о помощи богов еще не выветрились из твоей памяти? Боги, Устад, все боги.

– Да уж. Те два удивительных дня прошли под знаком всевластия богов. Точнее богинь. Ведь именно их ты призывала в качестве свидетельниц своей невиновности, – язвительные нотки зазвучали в голосе ученого лекаря.

– Ты будешь удивлен, но именно они помогли мне. Посуди сам. Разве иначе смогла бы я, невинная козочка на пастбище божественной властительницы, жалобно умолять грозных пастухов оберегать мое тучное поле от набега злых волков. А ведь они не только не отказали, но прекрасно справились, выполняя мою просьбу.

Один зубатый волчища, которого они связали, даже раскрыл мне секреты, как они разбойничали. По наущению жирного кабана промышляли на тропах в тростниковых зарослях, полных всевозможной живностью. Я только вежливо поспрашивала его и немного побрызгала на него водичкой, которую мне любезно подсунула богиня. Только и всего.

Нет, не так. Пришлось еще немного пободаться с тупым бараном, которого кабанище поставил охранять мой, только мой, трудами заработанный, пустырь. Но ничего, урок продолжался недолго. До упрямы дошло, что козочку, из-за спины которой выглядывают сильные покровительницы, обижать не стоит. В конце концов, мы разошлись, причем он побежал. Побежал, привел себя в порядок, и вернулся. Теперь прежде, чем на что-то решиться, спрашивает разрешения. Но я его не обижаю, наоборот, думаю подобрать ему овечку помирнее, чтобы на козочек не бросался. Но скажи мне, уважаемый Устад, почему все смеются?

– Представляют себе картину, как слабая козочка сражается за свое имущество, – сквозь взрыв едва сдерживаемого до сего момента смеха произнес Устад, – но продолжай. Не останавливайся, умоляю тебя. Вдруг забудешь самую ничтожную мелочь, а она окажется драгоценным рубином в прекрасном ожерелье твоего рассказа. Скажи только, волк выжил?

– Не забуду, боги не позволят. А волк? Цел, конечно, и был почти здоров, когда я передавала его охотникам. Да ты ведь знаешь его историю. Его посадили в клетку к его братцу. Тот тоже в свое время посягал на беззащитную козочку, ей даже пришлось бежать из загона и жалобно просить защиту у мудрого старца и доброй женщины.

Представляешь?! Кабан, вот уж до чего хитрая животина, освободил обоих волков, да еще и гиену в придачу, что мыкалась в той же клетке. И решили они проверить, а вдруг богиня Реки помогает не только козочкам и овечкам, но и зверью покрупнее. Но полновластная хозяйка реки не поняла их намерений, не пошла им навстречу. А возможно даже наоборот, – Лия-Тарбит задумалась на мгновение, – да, скорее всего было именно так. Богиня решила удовлетворить их любопытство, и забрала их к себе. Подводное царство у нее огромное, сами знаете. Пока везде побываешь, все осмотришь, много воды утечет в Белихе. Только для этого тела-то ей зачем? Только место занимают. Вот она их и выплюнула на берег, а души к себе забрала.

Скорее всего так и было. Хотя кто их разберет, богов-то, у них свой юмор, нам не понять. Да и не стоит соваться к ним с ненужными вопросами. Вдруг захотят ответить на них со всеми подробностями и объяснениями. Придется слушать и поддакивать. Так и надоесть может. Мне продолжать? Или в другой раз?

– Нет, не останавливайся, – три голоса слились в один.

– Хорошо, хорошо. Уже недолго осталось. Когда козочка управилась на пустыре, она задумалась. А что в нем может быть такого, из-за чего кабан так за него цепляется. Он тогда еще не ушел в гости к богине Нанше. И стала она бегать, с холмика на холмик перепрыгивает, в ямки заглядывает. И представьте себе, нашла одну, о которой ветерок восточку принес. Будто из той ямки червячки вылезают и на ее земле безобразничают.

А тут и знакомый жук-скарабей подоспел. Из самого Египта добирался, чтобы помочь. Не иначе, боги его оттуда направили. Подбежал, значит, лапками перебирает, а козочка от нетерпения даже подскакивать начала. Раскопали они ямку, а там, вы не поверите, бобы и фасолины. Крупные, красивые и много-много. Как только на свет белый появились, так все и расцвело. Трава такая густая-прегустая выросла. Козочка с жуком весь урожай подальше

оттянули, а скарабей его еще и землей присыпал. Тут и поднялось дерево денежное. Но не простое, волшебное. Только козочке и жуку является, а остальные его о не видят даже.

Но козочке с жуком сразу скучно стало. Что им там делать? Травку щипать? Земляные шарики из угла в угол перекатывать? Вот и стали они посматривать на небеса. А оттуда на них смотрят с ехидцей и ждут, выдержат они такое существование или нет. И скажу вам совершенно откровенно, ждать им долго не пришлось. Жук отправился дальше мир познавать, а козочка запрыгала с камешка на камешек, и прискакала к мудрецу.

Там ее приласкали, и стало ей хорошо-хорошо, спокойно-спокойно. И решила попрыгунья побыть денек-другой среди милых ее сердцу людей, прежде чем отправиться на поиски приключений. А как вы думали? Разве подружки богини разрешат ей надолго оставаться на одном месте? Нет уж. Эти затейницы непременно захотят посмотреть, на что еще способна их подопечная.

Аплодисменты и одобряющие смешки были ответом на последние вопросы. Начинало темнеть. Слуга принес светильники, и два веселых огонька осветили небольшое пятно, скрыв в сгущающихся сумерках оживленные лица таких разных людей.

– Рабити, – Устад притворно серьезно обратился к кормилице, – завтра утром напомни мне, что нужно срочно вызвать рабочих, и возвести вокруг нашего дома высокую стену, чтобы никакая козочка не смогла перепрыгнуть ее и покинуть нас. Я за всю свою жизнь не испытывал того удовольствия, которое почувствовал, проведя несколько дней рядом с тем чудом, что подарила мне случайная встреча на дороге.

– А может это было пожелание твоего осла, когда ему прискучило плестись по пыльной дороге, таща за собой скрипучую тележку? – тут же откликнулась Лия-Тарбит.

– Скорее мы избраны богами для помощи их земной подруге. Нет, не так. Я знаю... Я звала их... – в голосе Рабити слышались слезы. – Я долго просила их милости, молила избавить меня от ночных кошмаров, что мучили меня каждую ночь. От вида оскаленных лошадей, несущихся на крошек, которых я пыталась закрыть от страшного грохота их копыт, от яростного ветра, поднимаемого их дыханием. Эта картина преследовала меня. Я умоляла богов забрать истерзанную душу, но они прислали мне, не тебе, Устад, а мне, несчастной женщине, избавление.

Лия отбросила компресс со своих глаз, мужчины вскочили со своих мест и затаили дыхание. Устад потянулся за кувшином с водой, а Чензира застыл в растерянности. В сгустившихся сумерках, едва различая сквозь слабую пелену, сидевшую рядом Рабити, ее изуродованное громадными копытами съежившееся тело, Лия осторожно нащупала и охватила ладонями виски плачущей женщины. Два чела соприкоснулись, и мощный поток неведомой энергии хлынул в сознание Рабити.

«Ты сохранила память обо мне? – и невозможно было понять: то ли громкий зов, то ли шепоток ветра с дальних гор произнес эти слова. – Обратись к сердцу. Оно подскажет, напомнит, что я обещала тебе. Закрой глаза. Помнишь цветущую равнину, где мы были вместе. Присмотришься. Там, вдали, у самых гор удаляющаяся колесница. Видишь? Я обещала тебе, что она не вернется. Так есть, и будет всегда. Ветер с гор, напоенный ароматом трав и цветов, стремится к тебе. Вдохни его полной грудью. Снова и снова».

Дыхание Рабити выровнялось. Она слабыми руками обхватила Лию, на мгновение затихла, и глубоко вздохнув, выпрямилась. Мужчины облегченно выдохнули, и теперь переминались с ноги на ногу, так и не решив, что же следует предпринять. Вечер, казалось, был окончательно испорчен.

– Устад! Не смей обижать девочку, – голос Рабити был неожиданно тверд и категоричен, – благодари кого хочешь. Судьбу, богов, удачу, случай, всех, кому веришь или не веришь, неважно. Благодарю всех и всегда, за то счастье, к которому тебе позволили прикоснуться. Устад...

– Что ты, Рабити, – голос ЛиИ был несколько взволнован, – что ты, родная защитница. Не сомневайся, не будь я так уверена в своих друзьях, разве искала бы приюта в этих стенах. Все хорошо, Рабити, все просто отлично. Мы затеяли шуточный спор и намерены продолжить его. Разве лень и скука могут служить развитию разумного существа? Нет, конечно. Только наука и познание. А смех и дружеские шутки позволяют расслабиться и отдохнуть. Как усталому телу потребен отдых, так и разуму не мешает развлечься. А о необходимости наслаждаться известно не только людям. Прислушайся к шуму из сарая. Это Люций и Красотка отдыхают там душой и телом.

Все рассмеялись и задвигались, неловкое напряжение было снято последней шуткой. Тени уже сгустились, и остатки приятного вечера все решили провести в доме. Слабые поползновения Чензира, попытавшегося уйти в таверну, были пресечены в корне, и он с охотой отправился помогать слуге накрывать на стол. Да, да. Именно помогать. Это его откровенно шутовские ухватки еще более ослабили остатки возникшей скованности.

Рабити не отпускала руку девушки. Воспользовавшись тем предлогом, что ЛиИ непременно нужна была помощь, она не отпускала ее ни на миг. Это был только ее вечер. Неожиданный, и тем еще более приятный.

*– Адат, не хочешь подменить меня? – разговор сознаний, как обычно, происходил беззвучно для окружающих, – а я с удовольствием послушаю, удобно устроившись в нашей извилине.*

*– Только смотри, не засни. Не потеряй нить беседы. Вдруг, придется поучаствовать, – речь Адат соответствовала легкому тону общего разговора.*

Девушка на миг замерла на пороге большой комнаты, служившей столовой и кабинетом хозяина. Рабити почувствовала короткое вздрагивание, и в комнату она вошла уже с ЛиИ-Адат. Все расслабились, и интересный вечер продолжился в новой обстановке, он был столь же приятен, как и прежде. ЛиИ устроилась на знакомой кушетке, и тут же почувствовала на глазах приятную прохладу влажной тряпицы.

Голоса мужчин звучали приглушенно и спокойно, навевая дрему. Приходилось напрягаться и прислушиваться к разговору собеседников. В сегодняшней беседе, как бы шуточно она не проходила, все время упоминалось вмешательство богов. Слишком невероятными представлялись события, сделавшие из никому не известной девушки самостоятельную владелицу немалого состояния. Устад начал разговор на эту скользкую, крамольную, по тем временам, тему.

– А скажи-ка мне, мой друг Чензира, – подобное обращение приглашало к приятному, ни к чему не обязывающему общению, – не египетские ли боги надоумили жука-скарабея отправиться в столь долгий путь. Помнится, не так давно, мне была обещана помощь в наведении порядка с массой табличек, папирусов, обрывков пергамента, что завалили стол и полки. Рабити уже сколько раз грозила выбросить все это богатство. Нет, нет. Не смущайся. Ни в коем случае я не позволю замечательному вечеру превратиться в кропотливую работу. Нет, и еще раз нет. Но все же, признаешь ли ты участие божественных сил в своем появлении здесь?

– Скорее нет, чем да. Но абсолютно не уверен в своем утверждении. В своих странствиях по Египту я сталкивался с таким количеством богов, что, возможно, надоел им и раздражал одним лишь своим видом. Не исключено, что, они решили избавиться от настырного юноши, пытающегося докопаться до истины. Посовещались, и вытолкали меня подальше. Надеялись, что чужие боги в далекой стране найдут на меня управу.

– То есть, вероятность того, что боги все же приложили свою руку к твоему появлению здесь, не исключена? И многих ты встретил на своем пути?

– Немало. Если тебе интересно, я попробую в деталях вспомнить свое плавание по Нилу. Именно во время того путешествия мне довелось услышать о многих из них.

Я еще совсем юнцом попал в караван фараона, и мы возвращались из Нубии, страны черных людей. После этого путешествия мне никогда больше не приходилось видеть таких богатств. Слоновая кость и сандаловое дерево, золото и драгоценные камни, корабль с экзотическими животными для парков фараона. Помню, как поразил меня вид жирафа и ужимки обезьян. Тогда именно они вызвали мое наибольшее любопытство. На стоянках толпа собиралась возле барки в надежде рассмотреть диковинных зверей, а вооруженная охрана отгоняла ее.

– Охотно верю, – Устад перебил египтянина, – сам бы с удовольствием поглазел на невиданных тварей. Но сейчас не об этом. Ведь не страх перед ними заставил тебя отправиться в столь далекое путешествие. Я уверен, что подробнейший рассказ об этом плавании еще ждет своей очереди. И вновь я убеждаюсь в дальновидности нашей ЛиИ, когда она посулила мне встречу с прекрасным собеседником. И все же. Ты обещал рассказать, какой мудрый и всезнающий бог надоумил тебя бросить все и отправиться в неизвестную страну.

– Бог любопытства. Не могу сказать тебе его имени, но подозреваю, что он существует. Но посуди сам, какой из встреченных мною богов может быть им. В Египте каждая область, ном, поклоняется своему божеству. Сейчас я начну называть их имена, а ты меня остановишь, когда надоест слушать. Первый ном в верховьях Нила – Та-Сети. Там правят Хнум, Сесет и Анукет. И поклоняются жители, никогда не поверишь, крокодилу.

– Для того, чтобы я не поверил, – хозяин дома усмехнулся, – я должен знать, о каком существе идет речь. Для меня что жираф, что крокодил – просто слова. Может это какие-нибудь виды жуков. Как скарабей, например. Не отвлекайся. Поклоняются, значит так надо.

– Мы спускались по Нилу, и следующим номом на нашем пути был Учес-Хор. Скажу откровенно, сомневаюсь, что какому-либо торговому каравану удастся пройти всю реку от истоков до самого устья. Каждый правитель нома считает своим долгом обложить купца непомерной податью. Так что, к концу пути хорошо еще, если у отчаянного искателя выгоды в далеких краях, останется барка. Пусть и пустая, но целая. Только знак фараона на наших лодках позволил нам пройти весь Нил.

Все. Больше не отвлекаюсь, только о богáх. Мы остановились на землях Учес-Хора. И покровителем там считают Хора Бехдетского. Далее следуют Нехен с Хнумом, Хором и Нехбет, Уасет с богами Монту, Мут и Бех, Нечеруи и бог Мин. Двадцать две области. Все называть?

– Нет, нет. На сегодня достаточно. Но к тому времени, когда ты соберешься выполнить свое обещание уточнить карты караванных путей, я приготовлю большой свиток лучшего пергамента и запишу весь твой путь. Думаю, если записывать на глине, потребуется табличка размером с мой двор. Сдается мне, что ты так надоел египетским богам, что они совместными усилиями вытолкали тебя подальше.

– Не думаю, что всем им было дело до настырного юноши. Скорее, это был Тот, бог луны, знаний и магии. Скорее всего, именно он покровительствует любопытным. Не пугайся, Устад. Все не так страшно. Я говорил о местных богáх. Но Египтом, и вообще, всем сущим на земле, правит великолепная девятка богов. Это они создали день и ночь, земную твердь, водное царство и небесный океан, людей и животных. Вот они-то и являются истинными повелителями всего сущего на земле, именно им принадлежит будущее.

– Чензи-и-ра-а. Не будь так самоуверен. У нас набор всемогущих не хуже. И может статься, они победят ваших богов в битве за обладание людскими умами и душами.

– Уважаемый Устад. Мы сейчас говорим о том, во что верим? Или просто хвастаемся друг перед другом богами своих земель, как две модницы хвастают на балу в царском дворце своими нарядами?

– Скорее рассуждаем, какая из легенд о создании мира победит, и каких богов будут почитать через тысячи лет.

*«Тарбит, вылезай. Сейчас точно прицепится к нам, а я не имею ни малейшего понятия, что им отвечать. Или, что еще хуже, переругаются, и придется утихомиривать их», – Рабити вновь почувствовала слабый толчок в руке, которой она касалась девушки.*

Обмен сознаний произошел незаметно и буднично. Лия слегка пошевелилась, устраиваясь поудобнее на кушетке, скрытой в полутьме.

– Ну что ж. Давай так. Я попробую коротко изложить легенду о сотворении мира богами Египта, а ты сделаешь то же, ссылаясь на сказания Месопотамии. И совершенно посторонний человек, не сведущий в вопросах религии, решит, какие боги будут управлять людьми в будущем.

Итак. В начале начал был бездонный темный океан, и не было в нем даже намекать хоть на искорку жизни. В круговерти хаоса смешались неведомые частицы сознания разных существ и миров. В какой-то миг они сплелись воедино, океан взорвался, и появилась мысль, а за ней и бог Атум.

И увидел он, что нет места в безбрежном океане, куда бы он мог поставить ногу. И поднял из глубин холм, и назвал его Бен-бен. Взошел Атум на холм, выдохнул, и появился бог Шу – повелитель воздуха. А из океанских вихрей, по его воле, родилась Тефнут, богиня водного мира.

И возрадовался Атум, и полились из глаз его слезы радости, и упали они на первородную землю холма, и превратились в живых существ. Но понял Атум, что создания его не могут существовать в темноте, и разделился на богов Ра и Тота. С тех пор правит на земле бог Солнца Ра-Атум, а с ним бог Луны Тот. И появились на земле день и ночь, а с ними порядок и гармония.

Не надоело? Прекрасно. Глоток пива, и я продолжаю.

От брака Шу и Тефнут родились Геб и Нут, которые стали управлять землей и небом. А от них уже Осирис, Хор, Исида, Сет и Нефтида. Люди на земле плодились, начинали заниматься самыми разными ремеслами, науками, торговлей и управлением. И великие боги дали им местных богов, которые следят за обыденной жизнью, не отвлекая великолепную девятку на хлопоты обычных людей. Ведь нужно кому-то управлять мирозданием и следить за порядком. С тех пор жители Египта поклоняются Великим, но в своих ежедневных хлопотах не забывают обращаться и к богам помельче.

Устад, это совершенно краткое изложение. Легенд о создании мира я слышал несколько, но все они прекрасно мирно уживаются. Теперь твоя очередь.

– Твой рассказ, Чензира показался мне столь неубедительным, что я подумываю, стоит ли мне начинать свою историю. Но договор есть договор.

Упоминание бесконечного океана в кромешной темноте вечной ночи есть и в наших сказаниях. И существовали в нем два жутких порождения первобытного хаоса Апсу и Тиамат. И породили они злобного Мумму, носившегося над темной поверхностью безбрежных волн. Но, несмотря на старания богов сохранить хаос, глубоко в глубинах темного океана, начала зарождаться жизнь. С позволения, конечно, повелителей. Так появились первые боги. Они попытались навести хоть какой-нибудь порядок в извечном хаосе, но этим потревожили Апсу и Тиамат.

Свирепому Мумму они поручили избавиться от настырных богов, но один из них, Эйа, разгадал подлые намерения, вступил в битву и уничтожил Апсу и Мумму. В дикую ярость пришла Тиамат. Решила она погубить всех новых богов и восстановить вселенский хаос. Создала она одиннадцать чудовищ. Все это на века высечено в камне, между прочим.

Устад, полузакрыв глаза, начал нараспев декламировать:

«Остры их зубы, их клыки беспощадны!  
Она ядом, как кровью, их тела напирала,  
В Ужас драконов свирепых одела,  
Окружила нимбами, к богам приравняла.

Увидевший их – падет без силы!  
Если, в битву пойдут, то уже не отступят!  
Гидру, Мушхуша, Лахаму из бездны она сотворила,  
Гигантского Льва, Свирепого Пса, Скорпиона  
в человечесьем обличье,  
Демонов Бури, Кулилу и Кусарикку.  
Безжалостно их оружие, в битве они бесстрашны!  
Могучи творенья ее, нет им равных!  
И еще сотворила одиннадцать этим подобных!  
Из богов, своих первенцев, что совет составляли,  
Кингу избрала, вознесла надо всеми —  
Полководителем, Главным в Совете».<sup>1</sup>

Никто из богов не решался выйти против грозного воинства. Тогда младший из богов Мардук согласился выйти на бой, но за это все остальные должны были признать его своим предводителем. Ничего удивительного в том, что боги приняли условия Мардука, я не усматриваю. Деваться было некуда.

«Непреложно отныне твое повеленье,  
Вознести, ниспровергнуть – в руке твоей ныне!  
Лишь ты, о Мардук, наш отомститель!  
Надо всей вселенной мы даем тебе царство!»

Не стану описывать тебе решающую битву. Раз мы собрались здесь, исход ее тебе должен быть ясен. Но то, что Мардук сделал с телом Тиамат, хранительницей хаоса, я тебе вкратце опишу. Огромное туловище чудовища он разрубил на две половины: одной он перекрыл верхние воды и отделил их от нижних, из второй создал земную твердь, имеющую вид полукруглой чаши. Опрокинул ее в нижние воды, отданные в управление мудрого Эйе. Свод небесный украсил, звезды и планеты сделал, двенадцать месяцев звездных расставил. Призвал богов Шамаша и Сина, разделил между ними сутки.

Не буду открывать тебе всех деяний Мардука, замечу только, что он изрядно потрудился. Но поскольку ты упомянул сотворения людей, остановлюсь на этом и я.

«Кровь соберу я, скреплю костями,  
Создам существо, назову человеком.  
Воистину я сотворю человеков.  
Пусть богам послужат, чтоб те отдохнули».

Так повелел великий Мардук создать людей, что и выполнил верный Эйе. Замешал глину на крови могучего безжалостного Кинга, военачальника войска Тиамат.

«Объявили вину его, кровь излили.  
Людей сотворил он на этой крови,  
Дал им бремя божье, богам же – отдых.  
Так Эйа, мудрейший, род людской создал,  
Возложил на него божье бремя!  
Непостижимо для разума это деянье  
По замыслу Мардука... исполнил!».

Создал, и наказал служить всемогущим богам, поставленным его волей следить за порядком во всех уголках владений Величайшего из Бессмертных.

Стемнело. Лия, удобно устроившаяся на знакомой кушетке, совмещала приятное с полезным. К приятному нужно было отнести в первую очередь отдых, предоставленный молодому

---

<sup>1</sup> Все цитаты этой главы см. «Я открою тебе сокровенное слово» Литература Вавилонии и Ассирии. Художественная литература, 1981 г

телу. Нельзя сказать, что все мышцы ныли и настойчиво требовали покоя. Но, коли предоставилась такая возможность, почему бы не воспользоваться подходящим случаем и не понежится всласть. Когда еще удастся побаловать себя. Уютная атмосфера расслабляла, а влажный компресс на глазах только подчеркивал заботу, которой старая кормилица окружила свою любимицу. С того момента, как Рабити узнала о болезни ЛиИ, лечебный отвар постоянно хранился на полке с другими снадобьями. А их то у хозяина дома, известного лекаря, было достаточно.

К мирному уюту вечера следовало отнести также тепло, исходившее от сидевшей рядом Рабити. Она взяла в свою ладонь маленькую, но неожиданно крепкую руку своей подопечной еще во дворе, когда помогала ей передвигаться в надвигающихся сумерках.

Что же можно было отнести к полезному? Конечно же, интересную беседу. Это не было спором. Два атеиста, в той степени, которую им позволяло общество и собственные знания, сравнивали преимущества и недостатки целого сонма богов. ЛиИ-Тарбит прислушивалась к разговору мужчин. Здесь, еще несколько дней назад, о ее существовании даже не подозревали, а сейчас она была признана полноправным членом этого маленького мирка.

– И кто же согласится стать судьей? Кто осмелится предсказать будущее? – снова наступившую тишину прервал вопрос Устада.

– Выбор невелик. Рабити, сможешь рассудить нас? Нет? Я почему-то так и предполагал. А подруга богинь не может считаться беспристрастным судьей. Так что, если слуга меня проводит, я еще успею добраться до таверны, пока не заперли ворота.

Чензира, казалось, уже собрался уходить, когда из темноты прозвучал голос ЛиИ:

– Если мне будет позволено высказать свое мнение, мнение обычного человека, я буду вам признательна. Никоим образом я не претендую на то, что мое мнение истинно.

С самого детства я окружена богами, точнее их воплощением. Мой отец, Лаван, чрезвычайно верующий человек. У него есть целая комната со статуэтками богов, куда никто не допускается. В ней он размышляет и принимает решения. В углах нашего дома закопаны фигурки божеств, управляющих земными стихиями. Так что, с богами связана вся моя жизнь

Пусть мое мнение и не может считаться окончательным, но наберусь смелости и попытаюсь высказать его. Не слишком ли я расхрабрилась? Возможно, действительно достаточно на сегодня? Поняла. Последую вашему примеру. Я коротенько.

То, что мне довелось услышать, чрезвычайно интересно. Чензира упомянул, что легенд о сотворении мира несколько даже в одной стране, что уже говорить о богах. А если начать перечислять всех известных в Египте и Месопотамии, да еще и добавить богов дальних стран, то, боюсь, на это не хватит и целой жизни.

Думается мне, что у всех народов есть вера в Главное божество. Покровитель страны, города, которого он считает истинным создателем всего сущего. Но каждый человек поклоняется еще и тому богу, которого однажды выбрал своим заступником. Поэтому говорить, что все одновременно смогут признать самым Великим кого-то одного, мне кажется нереальным.

Вот еще что. Все известные мне божества обладают чисто человеческими качествами. Отвага и страх, доброта и зло, миролюбие и воинственность. Все, что присуще любому из нас. Неправильно это. Не может Создатель всего сущего иметь слабости, вести себя подобно обычному человеку. Он выше этого, он Господин созданного им мира. Когда это поймут, тогда вокруг него и смогут сплотиться люди любого происхождения и положения. Человек не должен сомневаться. Он обязан жить по совершенно ясным, не подлежащим сомнению законам. Их должно быть немного, и выражаться они должны короткими рубящими фразами. Тогда эти заветы смогут объединить если и не всех, то многих.

А еще, скажу вам, уж больно сложна ваша письменность. Такое впечатление, что количество знаков вашего письма, египетского или вавилонского, неважно, приближается к числу богов. Овладеть им простому человеку невыносимо. Дождемся времен, когда все станет

попроще. Знаков будет поменьше, а грамотных людей прибавится. Или не дождемся, придется дожидаться другим. Неважно. Времени достаточно, целая вечность.

Вера в целую армию богов будет жить еще сотни и тысячи лет, пока на смену им не придет вера в Единого бога. И случится это, когда народы будут убеждены в необходимости одной идеи, которая сможет объединить их.

Не знаю, известно ли вам, но брат моего прадеда Нахора, Авраам, верил в Создателя, которому подчинены не боги, нет. Нет кроме него вершителей судеб. Вседержитель создал и теперь управляет всем мирозданием. И если судить по тому, что Аврааму пришлось покинуть Харран, его идея особого интереса и понимания здесь не встретила. Но весьма возможно, не берусь утверждать наверняка, правота на его стороне.

А сейчас можете не обсуждать. Победителя в споре не будет. И не очень-то хотелось. Нас будут защищать все боги, которым каждый из нас верит. Вот мне, например, покровительствуют прекрасные женщины богини: Иштар, Гула, Нанше, Нисаба, все, все, все. И чем мы дружнее, тем больше у нас будет поддержки.

Порыв ветра пошевелил слабые огоньки светильников. Снова воцарилась тишина. Устад, а за ним и Чензира, поднялись и молча вышли из комнаты. Шуточный разговор вдруг превратился в философский диспут. Но никакой тяжести на душе ни один из участников не ощущал. Только раздумья. Воспоминания об услышанном и раздумья.

## Глава 2

Лия проснулась от веселого лучика утреннего солнца, заглянувшего в столовую-кабинет. Уже ставшая родной узкая кушетка тихонько скрипнула, намекая, что неплохо было бы освободить ее от тяжести. Пусть груз и невелик, но без него все же как-то привычнее. Молодое тело тоже было не прочь покинуть жестковатое ложе и немного размяться. Девушка, не открывая глаз, потянулась.

– *Адат. Сейчас твоя очередь. После всего, что я вчера наболтала, долго не смогу и рта раскрыть, – Тарбит скорее притворялась, чем действительно была озабочена вечерними беседами, – так что, командуй. Будут приставать с вопросами, ссылайся на богинь. Здесь при затруднении это помогает. Не помню, не знаю, понятия не имею. Слабая и беззащитная. Со временем образуетя. Подумают, что показалось, или пиво оказалось крепким. Пиво было? Не помнишь? Нужно будет у Рабити спросить. Так что давай, подруга, на трудовую вахту, а я досыпать в извилину.*

Лия коротко вздрогнула, еще раз сладко потянулась до хруста в костях и решительно спустила ноги с кровати. Дорога во двор была знакома, посещение самых необходимых утром мест много времени не заняло. «Как хорошо, что мы выбрались сюда», – пронеслось в голове, и ноги сами направились в сторону летней кухоньки.

Услышав звук шагов, к ней обернулась Рабити. Лицо со шрамами, не скрытое платком, улыбалось. Изуродованное тело искало опору у отполированной палки, но никакого смущения она не испытывала. Да и кого было стесняться? Подошел родной человек. Хотелось лишь прижаться щекой и поздороваться. Так в едином порыве и поступили две женщины, такие разные по возрасту, но обладающие общей душой. Самое короткое мгновение, рука в руке, глаза в глаза, и вот уже улыбка засияла на устах Лии.

– Рабити, признайся, – Лия втянула в себя воздух и заговорщицкий шепот коснулся ушей Рабити, – неужели это саска? Настоящая саска? Я помню ее вкус. Когда я была маленькой, мама варила. Не часто, правда. Все, все. Не могу говорить. Сейчас слюной захлебнусь.

– Самая настоящая. Хотя у каждой хозяйки она другая. Ты ведь в прошлый раз угостила нас эликсиром, которым лечила отца. Теперь моя очередь.

– Лучше не напоминай. Мне тогда даже попробовать не удалось, всем внезапно потребовалось лечение, хотя пиво в таверне пил только Лаван, – Лия горестно вздохнула, – а сделать снова все никак не получается. Кстати, напомни мне. Пиво вчера было? Или столь долгие беседы велись на трезвую голову?

– Было, как не быть. А ты думаешь, языки у наших мужчин развязались сами по себе? Вечер удался, ведь ты была рядом со мной. А разговоры? Они тоже редкость в нашем доме. Ни у кого в нем нет подходящих собеседников. А привыкнув рассуждать с собой, теряешь способность общаться с людьми. Оставим это. Ты умеешь варить саску?

– Никогда не пробовала. Мама всегда готовила сама, я была еще маленькой. Я только наблюдала и потом наслаждалась.

«*Расскажи, как солдат варила. Подсказать?*» – промелькнуло в голове, но Лия-Адат просто отмахнулась.

– Но могу поделиться рецептом. Начинать? Прекрасно. – продолжила девушка, – но не буду тебе рассказывать, как это делала мама. У меня все равно так не получится. Вот мой хороший друг, Гиваргис, рассказывал, как после военных лекарей добирался до подаренного ему куска земли.

Однажды он устроился на ночлег на обычной караванной стоянке. Кое-как разложил костерок и собрался нагреть воды в своей медной кружке, больше похожей на небольшой коте-

лок. Кстати, эта посуда очень помогла мне и Чензире, когда мы оказались в необычной обстановке.

Тут к нему подкатился один из погонщиков, который был весьма не прочь подшутить над инвалидом. Я уже рассказывала тебе о своем друге. В теле отставного солдата с изуродованным безобразным шрамом лицом и едва работающей рукой скрывается огромная любящая душа. Вы непременно встретитесь.

Так вот, произошел между ними такой разговор:

– Уважаемый путник, сдастся мне, что сегодня на ужин у тебя будут несколько зерен сумаха, заваренные нагретой водой. Только воды не жалея, чтобы голодным не отправиться спать, – притворное участие к человеку всегда неприятно, а тут еще и недавнее увечье давало о себе знать.

– Ты не поверишь, великий знаток ослиных хвостов, весь день наблюдающий за их помехиванием, но в армии меня научили варить кашу из старой сухой ветки, предназначенной для костра. И чем больше на ней сучков, тем вкуснее получается саска. Ты хоть слово-то такое слышал? Если тебе нечем побаловать себя, могу угостить. Не волнуйся, нам обоим хватит. Главное, чтобы подходящая ветка нашлась.

– Начинай, солдат. Я еще друзей позову. Жаль, если им придется пропустить такое зрелище. – погонщик приготовился посмеяться над моим другом.

Гиваргис невозмутимо выбрал из кучи приготовленного хвороста сучковатую сухую ветку, протер ее. Тщательно почистил кружку чистой тряпичей, дунул в нее и пристально осмотрел стенки. Собирался уже пристроить ее возле огня, но передумал.

– Слишком чистые. Веточка подгореть может обидно будет. У тебя не найдется немного муки, только дно и стенки присыпать немного.

Под усмешки собравшихся зрителей, откуда-то из сгустившейся темноты появился мешочек с мукой. Гиваргис поблагодарил, отсыпал пару пригоршней, и придвинул кружку поближе к огню. Через минуту-другую, когда мука немного поджарилась, он громко втянул воздух, покрутил хворостиной в чреве своего котелка. Вытащил ее, внимательно осмотрел, даже языком лизнул, и вздохнул:

– Ох, и хороша каша получится, суховата только.

Тут же из задних рядов, а вокруг собрались уже все слуги и охранники каравана, выплыл кувшинчик с молоком. Передаваемый из рук в руки, он достиг протянутой руки Гиваргиса, но тот кивнул в сторону ухмыляющегося караванщика.

– Вливай тонкой стружкой, пока я не скажу: «Хватит».

Польщенный таким вниманием, насмешник сразу посерьезнел и осторожно начал выполнять порученное. Гиваргис, напевая под нос незамысловатую мелодию, помешивал варево своей волшебной веткой. Над кружкой-котелком начал подниматься парок, и через мгновение солдат рявкнул: «Достаточно!». От неожиданности рука погонщика дернулась, и приличная порция молока плюхнулась в посудину:

– Ты специально хочешь испортить блюдо, чтобы обвинить меня в обмане? Мошенник. Она ведь теперь станет совершенно жидкой, ее невозможно будет есть. Эй, кто-нибудь! Дайте скорее что угодно, хоть фиников немного. Нужно немедленно связать лишнюю влагу.

Тут же перед ним возникла пухлая рука с плоской, полной нарезанных фиников. Это заинтересовавшийся происходящим одутловатый купец пробился в первые ряды зевак. После сытного ужина он закусывал сладостями, когда его ушей достигла песенка солдата.

Солдат схватил плоску, опрокинул ее в булькающее варево и сунул обратно опешившему от подобного напора толстяку. Снова схватил щепку и продолжил колдовать над кашей, напевая свою песенку.

Наконец, вытащил солдатский инструмент, облизал его. Поднял голову к небу, прикрыл глаза и почмокал, прислушиваясь к своим ощущениям. Все замерли в ожидании. Гиваргис

кивнул, как бы соглашаясь с невидимым собеседником, полез в солдатский мешок и достал узелок с солью. Помогая себе зубами, распустил узел, достал щепотку соли и с таинственным видом, нет, даже не посыпал, развеял ее над поверхностью каши. Вновь проба, вновь поднятая к небу голова с прищуренными глазами, громкое чмокание и напряженные глаза зрителей. Утвердительный кивок головы вызвал облегченный вздох толпы. Гиваргис отодвинул котелок от костра и победно взглянул на обступивших его зрителей.

– Ну, кто осмелится попробовать солдатскую саску из армейского котелка?

– Я! Я! Я! – раздались восторженные голоса Рабити, Устада и Чензиры. Они незаметно приблизились к женщинам, и их восторженный возглас перешел в задорный смех.

– А я в очередной раз буду наказана неизвестно за что, и мне останется только вылизать стенки котелка после вашего завтрака? – притворно обиженным тоном заявила Лия. Вновь взрыв смеха и улыбающиеся лица.

– Сегодня я не дам тебя в обиду, – Рабити начала наливать вкусно пахнущую саску по плошкам, – самая первая по праву принадлежит тебе.

Снова смех огласил маленький дворик. Все чувствовали себя совершенно свободно. Вчерашние философские беседы были если и не забыты, то отодвинуты в самый дальний уголок памяти. Саска удалась на славу, и поделиться планами все смогли, лишь покончив с лакомством. Именно так воспринималась далеко не повседневная еда, которой хозяйка решила угостить неожиданных гостей.

– Хорошо, Рабити, уговорила, – отодвинув пустую миску продолжил вчерашний шуточный разговор Устад, – высокий забор строить не будем. Но рабочих все же позовем. Притащим сюда большой кусок гранита. В верхней части вместо Хаммурапи, которому бог Шамаш вручает знаки власти над людьми, прикажем высечь украшенного шрамами воина с изуродованной рукой, а подле его ног молодую девушку. А на всей поверхности гранита будут на века запечатлены великолепные истории, которыми нас радовала, и будет еще не раз баловать, случайная встреча, подарок судьбы, наша Лия. И станет этот обелиск знаменитее свода законов Хаммурапи.

– И будут стекаться к ней скучающие вельможи, и не найдет она в подлунном мире места для отдохновения и раздумий, и закончится ее жизнь в молодом возрасте, и состарится она, заточенная в золотую клетку, и... – продолжила Лия.

– Только не это! – не выдержала Рабити. – Устад, снова тебе повторяю, не приставай к девочке. Она принадлежит только себе. А мы должны быть благодарны богам, что наша птичка изредка щебечет нам радостные песни. Лия! Ты абсолютно свободна в своем выборе, не опасайся Устада. Просто он сейчас в хорошем настроении. Посмотри, как он перемигивается с Чензиром. Не иначе, сговариваются отправиться куда-нибудь в город. Хвала богам, сейчас в Харране много мест, где похожие на них собираются почесать языками. Куда до них всем женщинам Митанни.

– Устад, Чензира, – забеспокоилась Лия, – подарите мне несколько дней своего внимания. Всего несколько дней, пока я не решу все вопросы с судом. Дайте мне спокойно удалиться отсюда, и тогда я обещаю вам лет двадцать приятных бесед, тихих вечеров и новых открытий. Рабити, успокойся. Я уйду отсюда, но каждый мой визит станет для тебя приятным сюрпризом. Что касается Чензиры, то я очень нуждаюсь в нем в ближайшие дни. Сейчас мы отправимся на базар и постараемся поприличнее одеться. До отъезда мне бы хотелось встретиться с наместником Шалита. Правда еще не знаю, как это сделать. Пойду в его приемную, буду просить о встрече.

– И напрасно потеряешь время, – перебил ее Устад. – Слишком узка тропинка, по которой просители вынуждены пробиваться во дворец представителя царской власти. И на пути у них вырастают неожиданные препятствия, создавать которые его слугам доставляет истин-

ное наслаждение. Так что, тех двадцати лет, о которых ты так много говорила, и урожая твоего денежного дерева как раз хватит, чтобы предстать перед его очами.

– А если попросить богинь? Через Умуга, конечно. Кто ближе него подобрался к всемогущим. Я пока добиралась до храма Сина, запыхалась даже. Но вид с вершины зиккурата открывается просто замечательный.

– Лия, не пугай меня. Неужели тебе удалось побывать в святилище?

– Боги, Устад, все боги. Побывала, провела Нанше, поклонилась ей. Придется снова идти к ним с просьбой. Надеюсь, что еще не слишком им надоела.

– Не стоит понапрасну беспокоить своих покровительниц. Обернись, – Лия повернулась и увидела улыбающуюся кормилицу.

– На этот раз Устад прав. Не стоит беспокоить занятых... Даже не знаю, как выразиться. Важных особ. Просто скажи, когда ты хочешь увидеть Шалиту?

Лия недоуменно смотрела на Рабити, но та молчала и спокойно ожидала ответа. Вопросительный взгляд в сторону Устада, но тот равнодушно пожал плечами.

– *Тарбит, что делать?* – мысленный вопрос не остался без ответа.

– *Скажи спасибо.*

Лия-Адат поднялась, подошла к невозмутимой женщине и обняла ее.

– Какая я счастливая. У меня появилась еще одна богиня-покровительница, – отпрянула, и серьезно продолжила. – Послезавтра должно состояться заседание суда. Окончательное, надеюсь, по моему вопросу.

Для того чтобы иметь возможность использовать плоды волшебного денежного дерева, мне нужно получить все то, что присудил мне справедливый суд. Я должна как-то оправдать свои траты. Ведь, кроме вас, я никому не рассказывала басню о козочке и жуке скарабее. Если о моем маленьком деревце узнают, боюсь, найдется немало желающих проверить, какой урожай фасолин и бобов я успела собрать.

Завтра мне хотелось бы встретиться с наместником, сегодня я еще не готова. Я хочу обезопасить себя от всяческих неожиданностей. Хотя Марон и изучает достопримечательности в царстве богини Нанше, не важно, могут найтись другие. Сейчас речь идет не о нем. У Шалита могло остаться чувство обиды из-за того, что неизвестная девчонка смогла победить в споре властителей города, который он воспринимает как свою собственность. Мне не хотелось бы оставлять здесь недобрую память о себе. Лучше всего было бы вообще никакой не оставлять, но это, как получится. Так что завтра. После завтрака, когда голод еще не станет напоминать о приближающемся обеде, а отсутствие государственных забот заставит искать способ ускорить бег времени до вечерних встреч с местными аристократами и их женами.

– Я поняла, – Рабити не стала уточнять, – ты хочешь пообщаться наедине?

– Совсем не обязательно. Напротив, ваше присутствие было бы весьма желательно. Я намереваюсь преподнести в подарок наместнику новую игру, и мнение о ней уважаемого Устада только прибавит веса моим словам. А если удастся представить ему Чензиру, будет совсем прекрасно. Шалита получит достойных партнеров для нового развлечения, а наш друг еще одного покровителя в незнакомом городе.

– Значит завтра, после первой стражи, – закончила Рабити, – Устад, нам потребуются носилки.

– Могла бы и не напоминать, – то ли проворчал, то ли насмешливо проговорил хозяин дома, – нам будет тесно на одной тележке, да и Люцию тяжеловато тянуть ее. Лучше объясни вдруг оробевшей девушке, как женщина, стесняющаяся выйти за пределы двора, вдруг легко преодолевает препятствия, неподвластные могущественным богиням.

– Не слушай его, Лия. И не удивляйся. Когда Устаду удалось поставить меня на ноги после злополучного происшествия, присутствие при пышном дворе инвалида вызывало у госу-

даря ненужные воспоминания. А кому захочется видеть перед собой вечный упрек, да еще в виде искалеченной старухи.

Но мое положение, кормилицы его наследников, не позволяло просто избавиться от меня. Так что, он был весьма рад, когда я выразила желание уехать в Харран вместе с лекарем. А наградой за избавление послужила небольшая пенсия и позволение свободного входа к наместнику, кто бы ни был назначен на эту должность. Преимущественного обращения, заметить. Так что, если у Шалиты на завтра назначена охота, ему придется отложить ее.

– Благодарю тебя, кормилица, – ЛиЯ склонила голову перед Рабити, – благодарю богов, что привели меня в этот дом. Мы уйдем до самого вечера. Но если вы позволите, я снова проведу его здесь, вместе с вами.

Чензира, слышавший весь разговор, суетливо засобирался. Слуга, повинувшись знаку хозяина, направился в сторону сарая, и вскоре два седока на осликах проехали через ворота гостеприимного дома.

«Что значит понимающие люди попались, – застоявшаяся Красотка бодро перебирала ножками, – догадались, что втроем нам в сарае совсем тесно будет, поселкового работягу во дворе пристроили. Дали побыть вдвоем с Люцием. Хозяйка, небось побеспокоилась. Повезло мне с ней».

Базар было слышно издалека. Приблизившись к последнему ряду домов, отделяющим рокочущее чудище от города, ослики замедлили шаг. Людской гомон, пронзительные трели свирелей и свистков, звуки барабанов и бубнов музыкантов, звон медных и глиняных бубенцов, болтающихся на змееподобных шеях гордых верблюдов, крики погонщиков и купцов – все сливалось в единый хор, разгоняло кровь, заставляло одних остановиться в нерешительности, а других поторопиться на вечный праздник жизни.

Подобно тому, как фонтаны мутной воды внезапно взрываются на спокойной поверхности болотного озера, то тут, то там глухой гул извергался пронзительными воплями купцов, скрипучими криками верблюдов, взрывами хохота непритязательных зрителей, воплями истязаемого раба. Над всем этим бурлящим людским водоворотом расплывался аромат разгорающихся дров, свежих лепешек, жарящегося мяса, пахучих трав и пряностей.

ЛиЯ и Чензира оставили осликов на площадке перед базаром под присмотром базарного служащего.

Перед ними предстало цветное облако, из которого время от времени выскакивал то в конец одуревший покупатель, то с деловитым видом семеня выходила служанка с полной корзиной снеди. Важный купец, едва приблизившийся к границам сплошной стены совершенно невозможных сплетений человеческих тел, мгновенно бывал втянут, всосан в ненасытную пасть чудовища.

Едва сделав несколько шагов в направлении глухо рокочущей толпы, базарные посетители мгновенно подхватывались потоками, стремящимися разъединить их. То и дело толпа разрезалась важными процессиями чиновников или скучающими богатеями, сопровождаемые слугами и рабами.

Немало труда стоило ЛиЕ держаться поблизости от напарника, которого то и дело норовили сбить с ног снующие завсегдатаи рынка. Опираясь на палку, Чензира настороженно озирался, не решаясь даже двинуться в этом хаосе.

Это был совсем не тот базар, на котором гордой авилуме довелось побывать совсем недавно. Чинная толпа местных красавиц, сопровождаемых спутниками всех возрастов, закончившие свою работу мушкенымы, царские и городские служащие, писцы, жрецы, учителя местной школы – все они еще не вышли на свою традиционную прогулку. Их место сейчас занимали истинные хозяева торжища – продавцы и покупатели. Они занимались привычным для себя делом. Торговали и торговались. Здесь с азартом продавалось все – от бронзовой иголки

и необожженной глиняной миски до партии зерна или отары овец, от ячменной лепешки и сморщенного финика до пригоршни драгоценных камней или группы рабов. На каждого покупателя находилась свой купец.

Лия протиснулась вплотную к опешившему египтянину. Ведь пока Шумелу рыскал по рынку в поисках нужного товара и интересующей его хозяйку информации, Чензира наслаждался прохладой лавок с письменными принадлежностями, свитками и табличками. И сейчас растерянно оглядывался, не забывая прижимать к себе переброшенную через плечо сумку. Как не похоже все было на просторы исхоженных путей, когда он с караванами проплывал от дальней родины сюда, в это скопище людей, товаров, верблюдов, рабов. Да кого и чего здесь только не было, на этом перекрестке торговых путей.

Чензира вздрогнул, когда ощутил прикосновение чужой руки к его локтю. Рядом стояла Лия, высматривая в многоцветном хаосе толпы, переливающимся перед ее глазами, нечто лишь ей ведомое. Вот она крикнула нечто неразборчивое, как будто камешек бросила в бурный водоворот. И, о чудо, из него вынырнул полуголый запыленный мальчишка, и послушно остановился напротив нее, поблескивая хитрыми черными глазами. Перекинулись парой слов, юный проводник повернулся и ввинтился в толпу. Лия потянула за собой еще не пришедшего в себя товарища.

Иногда протискиваясь в тесноте передвигающихся тел, иногда пробивая себе дорогу толчками плеча или локтя, пара путешественников по неведомым просторам живущего по своим законам рынка, оказалась в торговых рядах, где суэта базара обрела хоть какую-то видимость порядка. Лия начала узнавать знакомые места. Ведь совсем недавно она наблюдала здесь спокойное движение от лавки к лавке, от торговца к торговцу местных модниц в сопровождении кавалеров всех возрастов. Пара шеумов, упавших в протянутую грязную ладошку, заставили мальчишку радостно взвизгнуть и исчезнуть в знакомом ему водовороте рыночной площади.

Возбужденная девушка постепенно успокаивалась, приходя в себя от, пусть короткого, но напряженного бега с препятствиями. Цель достигнута, теперь действовать по правилу: «спеши, не торопясь», не отвлекаться на призывные крики купцов, не оглядываться на разложенные на столах ткани всех цветов, пестрые платья, украшенные вышитыми узорами, увешенные медными бляшками, искусно сплетенными поясками, бахромой всех раскрасок и размеров.

*– Тарбит, отзовись, – начался мысленный разговор двух сознаний, – что мы ищем? Готовое платье или кусок ткани?*

*– Готовое платье, мне кажется, – Тарбит отозвалась с некоторой задержкой, – заниматься выдумыванием чего-то нового недосуг. Но я совсем не представляю, что здесь носят, и что нашему капризному телу подойдет. Не слишком торжественное, не на вечерний прием идем. Следует учесть время визита и наш возраст. Неплохо бы обозначить свое положение. Никаких веселеньких тонов со множеством вислоек, никоим образом не намекать на продолжение знакомства. Чисто деловое свидание молодой особы, неопытной авилумы, пытающейся начать самостоятельную жизнь.*

*Нет, не так. Молодой особы, находящейся под покровительством богинь, и намеренной установить партнерские отношения со знаменитым военачальником. Никаких заигрываний, чисто деловой разговор.*

*Но достаточно стоять на месте. На нас уже начали поглядывать, сейчас кавалеры появятся. И присутствие Чензиры не мешает. Сейчас отправляемся подбирать ему тунику. побыстрее крути головой по сторонам, вдвоем будем присматриваться.*

Подстраиваясь под неторопливый ход хромающего Чензиры и придерживая его за локоть, Лия начала продвигаться в сторону рядов, подле которых были видны мужчины и юноши, вертящиеся перед придирчиво рассматривающими их прекрасными половинами человечества.

Были здесь и одинокие особи мужского пола, но они надолго не задерживались перед речистыми продавцами. Две-три отброшенные в сторону вещи – и вот покупатель перемещается к другой лавке, или со вздохом облегчения сворачивает свою покупку, и прочь отсюда. Лия даже не спрашивала товарища о его вкусах. Изредка показывала то на одну, то на другую вещь мужского гардероба, и молча волокла его дальше, даже не дождавшись отрицательного ответа. Вспомнив пропотевшую рубаху, в которой Чензира в горячке катался по смятым циновкам, потащила его именно к таким. Даже не удивилась, когда заметила некоторое оживление в поведении приунывшего египтянина. Дело пошло быстрее, и вскоре заулыбавшийся Чензира тащил сверток с коричневой, цвета свежей влажной глины туникой. Он хотел было выбрать нечто поскромнее, но слабые потуги высказать свое мнение были тут же пресечены: «Тебе должно это нравиться», – ну что ж, должно так должно. Лишь бы побыстрее закончилось это утомительное путешествие.

Купив по дороге темно коричневый пояс, в цвет оторочки рубахи, и новые сандалии, Чензира был доставлен к лавке то ли знахаря, то ли звездочета, а, возможно, и того и другого, и оставлен там со строгим приказом никуда отсюда не уходить, как бы долго не продолжалось отсутствие командира маленького отряда. Чензира радостно замотал головой, и все тридцать два зуба улыбающегося молодого мужчины подтвердили его решимость ни на шаг не отойти от указанного ему места.

Как ни странно, но не успел он ознакомиться и с половиной первой таблички с историей о находчивом рабе и нерешительном хозяине, как появилась Лия со слугой, держащим сверток, в котором угадывалось аккуратно уложенное платье. На вопросительный взгляд черных глаз с едва заметными красноватыми прожилками на белках, Чензира так умоляюще улыбнулся, что девушка отошла в угол лавки, где были выставлены образцы обожженных пластин с изображением богов и богинь. Вдруг заинтересовавшись одной из них, она повернулась к торговцу, лысоватому бодрому старичку с розовыми щеками на круглом лице. Пухлые губы растянулись в иронической улыбке, а ладошки коротеньких ручек умильно сложились перед выпирающим животиком. Весь он состоял, казалось, из шариков всех видов и размеров. От самого большого, одетого в тунику тела, до самого маленького, красной капли камня в перстне на пухлом мизинце.

– Впервые вижу, чтобы такая молодая красивая девушка заинтересовалась выставленными здесь работами выдающихся камнетесов и мастеров Харрана, – голос торговца плавно лился из толстых губ, повторяя давно заученные фразы, – сразу видно ценительницу, по одному лишь взгляду оценившую все достоинства представленных работ. Уверяю тебя, неизвестная красавица, что для украшения потаенного уголка отдыха со своими наставниками, ты непременно сможешь найти здесь достойный образец. Если позволишь, я расскажу тебе о повелителях, которые смогут надежно защитить ваши занятия от посторонних глаз.

– Это Иштар? – Лия, не обращая внимания на речи словоохотливого хозяина, указывала рукой на один из образцов, где вооруженная грозная богиня попирала поверженного льва.

– Нет предела твоему совершенству, – в голосе старика к ноткам иронии добавились намеки насмешки, – если под прекрасной внешностью скрывается безмерное обилие знаний.

Издевка уже слышалась столь явно, что заставила Чензиру оторваться от чтения и с интересом прислушаться к беседе. У него, прекрасно знающего свою попутчицу, сложилось впечатление, что Лия не сразу нашла подходящего ответа, настолько вызывающим оказался тон собеседника.

*«Адат, давай-ка поменяемся ненадолго. Надоело прятаться в извилине. К тому же старичок попался не простой, интересный»*, – смена сознаний совершилась совсем уж буднично. Лия непонятно вздрогнула, словно очнувшись от охвативших раздумий.

– Что ты, уважаемый, – Лия-Тарбит внимательно присматривалась к деталям изображения, – откуда у совсем обычной девушки из ближнего поселка появятся знания о всемогущих

богах. Только из наставлений отца и рассказов матери. Вот об овцах я знаю намного больше. Хочешь, расскажу тебе несколько секретов, как следует обращаться с новорожденными ягнятами?

– Нет, нет. Разве прекрасной даме пристало заниматься столь низменными делами? – розовые пальчики тревожно запорхали перед толстяком, словно отгоняя саму мысль о подобной несуразице. – Твое дело, красавица, радовать глаз восхищенных мужчин, услаждать их слух веселыми песнями, покорять юношей, обезумевших от счастья лицезреть столь прекрасный образ.

– Ах! Что ты, что ты. – притворно засмушалась девушка, – я и так не знаю, как отбиться от навязчивых приставаний. Вот и ищу благодетельницу, которой следовало бы помолиться, чтобы избавила меня от этих хлопот. Эта богиня так воинственно выглядит, что легко разогнала бы всех приставал. Так это великая Иштар? И сколько стоит ее заступничество?

– Ее покровительство бесценно, милая. Само изображение богини способно отогнать от тебя толпу поклонников, что словно мелкая мошкара стремится на прекрасный огонек твоей красоты. Цена этого великолепного произведения известного во всех городах мастера два сикля. Не вздрагивай, не огорчайся заранее. Тебе она обойдется всего в один и ночь, которую ты подарешь такому доброму продавцу, как я.

– А если я осчастливлю тебя двумя ночами, то ответным подарком станет это несравненное изображение всемогущей воительницы? Как загорелись твои глаза! Почему ты отошел за прилавок? Что произошло с твоей одеждой? У тебя вспотели ладони? Ой! Как интересно! Это все богиня сделала? Она ожила и решила защитить меня? Но ведь ты не нападаешь? Нет? – Затараторила Лия и захлопала в ладоши, – я слышала, что в этом городе когда-то жил великий мастер, Терах. Это его работа? Нет? Жаль. Ты так и не сказал, это Иштар?

– Иштар, Иштар. Но и я не слышал ответа, красавица, согласна ли ты с ценой? Тогда погоди, пока я спроважу египтянина, и ты сможешь рассмотреть это чудо поподробнее. Правда, для этого придется наклониться, но, ничего. Я буду рядом, сзади. Все покажу, расскажу, продемонстрирую, а богиня пока раскроет все свои секреты.

– И что вы все такие нетерпеливые. Расскажу, покажу. Сейчас я спрошу, а ты постарайся спокойно поведать, – Лия показала круглую отметину, от которой отходили восемь широких полос, – здесь, наверху, над богиней звезда?

– Звезда, звезда, – утирая слюну из уголка рта пробормотал старик, – волшебная звезда Иштар. Не сомневайся. Не нужно приседать. Наклонись, рассмотри получше, куда она посылает свои лучи. Погоди.

Эй, египтянин. Смотри-ка сообразительный. В угол забился, разбирает вмятины на глине, будто понимает что-то.

Не отвлекайся, красавца. Подойди ближе, наклонись ниже, к богине присмотрись, звезду рассмотри повнимательней, а особо обрати внимание на поверженного льва. Иштар тебе обязательно поможет так же повергать мужчин к своим ногам. Я сзади тоже посмотрю, все объясню, не волнуйся.

– Эй, уважаемый! Стой, где стоишь, – строгий оклик остановил толстяка, – я еще не решила, что с тобой делать. Докажи, что ты специалист в своем деле. Расскажи о звезде. Она защищает богиню, или просто часть изображения?

– Что ты, красавица. У богов не может быть ничего случайного. Пойдем, любопытная моя. Я угощу тебя сладостями и расскажу все тайны, которые хранят в себе камень и глина моей лавки.

– Остынь, проказник, – Лия позволила себе игривый тон, – сначала удовлетвори мое любопытство. Расскажи о звезде, почему у нее такие странные лучи, как обычные полоски на глине. Почему Иштар, увешанную оружием, сопровождает столь мирное светило? Как такая звезда могла помочь ей победить грозного льва?

– Зачем столько вопросов, неугомонная? Уговорила. Удивительно любопытная пастушка. Звезда Иштар... – подумал немного, – она является знаком богини, означает порядок и равновесие, предвосхищает появление чуда и дарит надежду. Изображение ее создают или восемь лучами, исходящими из одного центра, или наложенными друг на друга квадратами. Теперь ты самая образованная девушка среди пастушек, и самая знающая все об овцах пастушка среди красавиц. Пойдем скорее. Я изнемогаю от желания познакомиться тебя с сокровищами, собранными в соседней комнате.

– Да погоди, ты, несносный. Ты еще не объяснил, почему лучи звезды не острые. Как проявить свою силу и власть тупыми копьями света от горящей высоко в небе прекрасной звезды? Негоже подобное столь воинственной богине.

– Мастерам не дано сделать этого. Только ученые жрецы способны одним взмахом стила изобразить звезду Иштар так, чтобы она оказалась внутри круга. Тайна этого деяния не подвластна обычному смертному.

– Ты опять смеешься надо мной? Что может быть проще, чем сделать нечто подобное?

– Невежественная девчонка! – вскипел хозяин лавки, – как смеешь ты, блеющая овца, сравнивать себя с учеными мужами. Или ты уже побывала в доме утех, где жрецы открыли тайное? Скажи еще, что они поделились секретами с тобой.

– Ну вот, – надула губки обиженная посетительница, – всегда так. Слабую девушку каждый обидеть может. А вот объяснить, где она может вышить на ленте остроконечные звезды, чтобы богиня всегда была с ней и защищала от настырных ухажеров, никто не хочет.

– Сначала признайся, что я прав, и никому, кроме жрецов и ученых мужей, не дано изобразить волшебный символ.

– Тише, уважаемый. Остынь. Ответь на мой вопрос, и тащи табличку и стило. Довольно пустых слов. Если сейчас перед нашими глазами возникнет восьмиконечная звезда, которую моей рукой начертает сама Иштар, ты..., ты..., ты подаришь египтянину книгу, коей так заинтересовался мой случайный знакомый. Если же моя рука дрогнет, ты получишь все, что пожелаешь..., в пределах разумного, конечно.

На прилавке появились необходимые для письма инструменты, заинтересованный Чензира придвинулся поближе, а Лия с деланной неуверенностью взяла в руку тонкую крепкую нить. Маленькие петельки обхватили кончики двух палочек для письма. Острие одной из них вонзилось в мягкую глину таблички, а второе плавно двигалось по поверхности.

– Как теленок на привязи, – Лия наклонила головку и рассматривала аккуратную округлость, возникшую на гладкой плоскости.

Две тонкие черты разделили круг на четыре равные части, а еще четыре точки между ними определили концы будущей звезды.

Лия мягким движением руки отодвинула онемевших зрителей, подошла к изображению богини, и о чем-то пошептала с ним. Вернулась к столу, взяла в руку стило, вздохнула и решительным движением соединила точки в одну восьмиконечную звезду. Но это было еще не все. Осмелев, молодая мастерица провела линии из углов фигуры к центру, пальчиком затерла вспомогательные линии. Заштриховала половинки получившихся ромбов. Еще раз облегченно вздохнула, и обратилась к онемевшему хозяину:

– Так где, ты говоришь, сложены таблички египтянина? На той дальней полке? Прекрасно. А вышивальщицы? Там, где торгуют тканями? Недалеко? Отлично. Должна тебе признаться, что твоя пластина с изображением богини, действительно может творить чудеса. Сохрани ее. Она стоит намного дороже названной тобой цены. Египтянин, нам пора. Передай эту тяжесть, которой ты так заинтересовался, рабу, и уходим отсюда.

Выйдя из прохладной полутьмы лавки, под яркое полуденное солнце, Лия засмеялась:

– Мелочь, а приятно. То, чего мне недоставало. Просто отдохнуть и поболтать. Сейчас заскочим к вышивальщицам, и в таверну.

И уже мысленно подруге: *«Адат, спасибо. Вспомнила школу и строгую учительницу. Договаривайся с кем хочешь, и о чем хочешь. Я в извилину, расслабиться и вспоминать будущее».*

## Глава 3

Тарбит еще раз ненадолго взяла управление телом, чтобы объяснить двум немолодым вышивальщицам, как должны выглядеть восьмиконечные звезды на концах коричневой ленты. Та, по замыслу девушки, должна была являться частью приготовленного для посещения наместника наряда.

Женщины, всю жизнь покрывавшие изысканными узорами тончайшие ткани для местных модниц, с нескрываемым удивлением смотрели, как из-под девичьих рук возникает звезда Иштар. Ранее они могли видеть такую только на одеяниях служительниц храма и жриц любви высокого ранга. Не было запрета на изображение восьмиугольной звезды. Просто не было никого, кто мог бы правильно изобразить ее. Как бы то ни было, Лия-Тарбит рассчиталась с мастерицами за срочную работу и получила уверения, что завтра к восходу солнца готовая лента будет передана Пондкаю, хозяину таверны.

– Адат, нам сегодня еще предстоит решить все вопросы с Сасином, но это уже ближе к вечеру, – Тарбит, передав бразды правления напарнице, решила поболтать. – Есть предложения, как нам провести время?

– Готовиться к встрече, – несколько помедлив ответила Адат. – Но совершенно не представляю, что нас может ожидать.

– Сначала полное нежелание общаться. Тем более, зная о судьбе Марона и Абрафо. Хорошо, что с нами будут Устад и Рабити, сразу не выгонят. Потом насмешливая настороженность. Потом... Все как всегда. Придется удивлять и покорять. Но знаешь, вспомнила еще одну поговорку из своего времени: «Встречают по одежке, а провожают по уму». Вот и у нас так. Одежка новая у нас есть, ума тоже достаточно. Нас двое, еще и богини помогут, если кто засомневается.

– И все-таки. Страшновато как-то. Провожать по-всякому можно. Если с почетом и надеждой на новую встречу – это одно, а если вытолкают с позором – совсем другое. А может еще и жрецам отдадут. Причина всегда найдется, было бы желание. Может лучше не ходить.

– Эй, подруга, что за мысли, – чувствовалось, что Тарбит забеспокоилась. – Опять за старое. Можем и не ходить. Но оставлять за спиной неудовлетворенного вельможу не хотелось бы. Как особь женского пола нам выставлять себя никак нельзя, нужно придумывать нечто иное. Игру мы для него подготовили? Подготовили. Достойного партнера? Тоже. Знакомства у нас вполне приличные. Выглядеть будем совсем неплохо.

– Вот в этом я не уверена. Красивое платье на Лие, еще вчера никому не известной крестьянке, может показаться неуместным. Его еще уметь носить нужно. Ты умеешь? Я нет.

– Я не умею. В будущем я носила совсем другую одежду. Даже не стану ее описывать, еще захочешь такую. Давай попробуем залезть в шкуру «великого полководца» Шалиты. И вообще, митаннийца высокого ранга. Ему что интересно? Правильно. Боевой товарищ. А кто самый надежный? Кто не предаст и не бросит? Кто прежде всего? Правильно. Конь. А посему, все остальные занимают места в дальних рядах. Кроме царя и лиц, к нему приближенных, естественно. Они, как всегда, впереди, и опять же на боевых конях. Мы там не поместимся, несмотря на знакомство с Рабити.

– Вот и я о том же, Тарбит. Нас встретят, как сопровождающих кормилицы, не более того. Пообещают не обижать, но выслушивать всяческие бредни об играх, о том, как все будет замечательно и интересно, не будут. Шалита не Люций, а игра – не вкусная морковка.

– Как раз время пожалеть, что мы не боевой конь. Ну не лошадь, на худой конец. Но давай представим. Вот стоит Шалита на выгоне, где кони отдыхают от службы. Помнишь, где огород у Устада.

– Помню, как не помнить. У него там замечательные тыквы и бобы выросли. Я потом Шору этот метод подсказала.

– Не помню. Я за Красоткой присматривала, не вникала в ваш разговор. Но я о другом. Вот стоит Шалита, вроде слушает внимательно, поддакивает. А потом как закричит: «Подать мне ту лошадь, за которой весь табун увивается. Почему, такие-сякие, до сих пор не доложили, что на вверенной мне территории пасется такая великолепная кобыла!». С чего бы это. Значит бросилась она в глаза наместнику, не мог не заметить.

– Не было там никакой кобылицы. Тебе привиделось. Это Люций Красотку обхаживал. И никаких вельмож не было.

– Я ведь сказала, давай представим. Понимаешь? Вот ловят непокорную, подводят к наместнику. Одежды то у нее никакой, а он глаз оторвать не может. Наглядеться не может, такая красота.

– А зачем тогда платье покупали, деньги тратили. Если ты предлагаешь раздеться перед ним, как тогда, в реке перед богиней Нанше, то я несогласна. Лучше домой поедem, к маме.

– Да подожди, ты. Дай договорить. Лошади одежда зачем? Не о том разговор. А о том, как должна выглядеть женщина перед критическим взглядом мужчины. Правильно. Недоверчивый взор должен превратиться в восхищенный. Если богатое и красивое седло одеть на обычную клячу из воинского обоза, то первой мыслью будет полное несоответствие шикарной оболочки и безобразного содержимого. Оболочка у нас есть. Нужно что-то делать с содержимым.

– Причесаться, умыться. Можно щеки подкрасить, вроде румянец выступил от смущения.

– Вот этого не нужно. Никакого смущения, не в постель лезем. А по поводу «причесаться, умыться», тут ты права. Только заниматься этим должны специалисты. Есть у тебя кто-нибудь на примете?

– Нет, конечно. Но подозреваю, кто знает таких мастеров. Тарбит, ты представляешь, сколько может стоять подобная затея?

– Не представляю. Сама разбирайся. Но я хочу, чтобы при завтрашней встрече взгляд у Шалиты был восхищенным.

Вся эта скрытая от посторонних ушей беседа двух сознаний не помешала Лие-Адат проделать весь путь до трактира. Чензира, хоть и был несколько озадачен молчаливостью попутчицы, не заметил никаких странностей в ее поведении. Не торопясь, добрались до заскучавших осликов, погрузились и отправились подальше от кипящей базарной толпы, осуждающе ворчащей по поводу их ухода.

Нельзя сказать, что трактирщик Пондкай несказанно обрадовался, узнав о въезжающих во двор новых посетителей. Но особой неприязни к ним он тоже не испытывал. Последняя встреча с Лией особых хлопот не доставила, как, впрочем, и убытков. Напротив. Трактирщик прекрасно представлял, кому обязан наплывом посетителей два вечера подряд. Девушка придерживалась договоренностей, не требовала ничего незаконного, а жизнь в отсутствии неожиданных гостей стала не в пример спокойнее.

Пока длилась суета с размещением нового гостя, Лия подошла к столу, за которым устроился Пондкай. При приближении девушки он даже не стал ждать напоминания о необходимости переговорить, а сразу отправил находившегося тут же слугу по каким-то делам. На этот раз обошлись без улыбок, но и настороженным выражение лица трактирщика не выглядело. Обычная деловая встреча. Обычная! Деловая! Пусть деловая, но вовсе не обычная встреча необычной девушки с прожженным дельцом.

– Добрый день, Пондкай. Не думаю, что очень уж соскучился. Боюсь, как бы не наоборот. Слишком часто мелькаю перед глазами. Хорошо еще, что не поселилась в таверне постоянно.

– Не буду разубеждать тебя. Но договор есть договор. На этот раз ты решила почтить своим вниманием мое убогое заведение?

– Если припомнить ту каморку, в которую ты загнал нас с отцом во время первого пребывания здесь, то более меткого выражения для твоей таверны и не подберешь. Но не будем о плохом. Тем более, что после знакомства со мной, твои дела пошли в гору. Еще бы. Городской центр, где можно воочию наблюдать героев исторических событий. Хочешь идею? Бесплатную, заметь.

– До сих пор помню совершенно бесплатные идеи после первого твоего пребывания здесь. Обошлись мне в немалую горсть денег.

– Осторожно, Пондкай, осторожно. Даже не буду считать, какую гору серебра ты закопал благодаря нашей встрече. Оставь. Идею я тебе просто подарю. В том дальнем углу ты принимал нас тогда? – Лия-Адат протянула руку, указывая на невзрачный стол, за которым примостились два мушкенера. Пондкай кивнул. – Угадала, значит. Позови мастера. Пусть на глиняной пластине изобразит Реку и плывущую по ней богиню Нанше, увлекающую меня к берегу. А посреди реки плот, и все, что там происходило. Повесь ее над столом, а рядом установи светильник и зажигай его по вечерам. Объясни, что там обедала напрасно оболганная девушка после встречи с богинями. И бери за ужин в этом месте вдвое после против обычного. Только стол побольше не ставь, не жадничай. Очередь из желающих выстроится, не сомневайся.

– Точно знаешь? Хотя до сих пор твои советы оправдывались. Но не верю я в слово «бесплатно». Выгоду я еще не получил, а просьбу сейчас услышу. Вот этому верю.

– Я сегодня добрая, Пондкай. Пока, по крайней мере. Сделаю еще один подарок, чтобы ты не сомневался. Помнишь, как такое не запомнить, что мое пребывание в твоей таверне есть честь для тебя и оплате не подлежит? Так вот. От одной из частей, а именно бесплатного проживания, я отказываюсь. Не морщись. То, что я до сих пор не пользовалась твоим гостеприимством, еще не значит, что так будет и в дальнейшем. Так что, увидев меня, сразу представь, как ручеек серебра течет в твой кошелек. Сразу оценишь мою доброту.

– Я оценю ее, как только услышу просьбу. То, что она последует, я нисколько не сомневаюсь.

– Сразу чувствуется большой жизненный опыт. Пондкай, я уверена, что и на этот раз я окажусь права и еще пожалею, что не оговорила свою долю в будущих доходах. Но, что сказано, то сказано. Пондкай, – голос Лии стал томным и капризным, – сделай меня красивой.

Трактирщик опешил и даже отпрянул от стола. Он до сих пор не привык к странным выходкам своей знакомой, хотя навидался и наслушался немало. Пондкай всмотрелся в лицо девушки. Раньше, когда она твердо и уверенно излагала ему свои требования и пожелания, он видел перед собой решительное лицо воительницы. Сейчас же перед ним сидела капризная женщина, уверенная в своих намерениях.

– Лия. У меня есть отличное виноградное вино из Ханаана. В благодарность за твои советы я подарю тебе запечатанный кувшин. С ним ты будешь неотразимой в глазах любого мужчины.

– Фу, Пондкай. Как ты мог подумать, что мне потребуется нечто подобное. Точно. Нужно начать торговаться о своей доле за плодотворную идею. Может тогда ты начнешь соображать быстрее. Выслушай меня внимательно. Завтра мне предстоит важная встреча с мужчиной, который питает ко мне далеко не дружеские чувства. Совсем как ты. Я не хочу, чтобы у него даже в мыслях не возникло желание познакомиться со мной как с женщиной. Но в то же время его взор не должен равнодушно миновать меня, как какую-нибудь деталь обстановки его богатого дома. Я подозреваю, что этот господин всегда окружен гостями и слугами. Он должен увидеть перед собой незаурядную личность, которую захочется выслушать. Мне нужно, чтобы между нами завязался серьезный разговор. Сделай нас красивыми. Меня и моего спутника. Его просто красивым, а меня очень. Очень.

Опытный делец задумался и начал пристальней всматриваться в лицо собеседницы. Решив для себя нечто, только ему ведомое, одобрительно кивнул и отрывисто начал коман-

довать: «Встань, повернись спиной, боком. Наклонись, присядь. Распусти волосы. Садись». Решив для себя все вопросы, кивнул головой и обратился к Лие:

– Когда намечена встреча? – тон сразу же стал деловым.

– Завтра после первой стражи. Но сегодня вечером мне предстоит еще одна. Привлекать к себе внимание не требуется. Примерно такая же, как сейчас. Чисто деловая встреча с уже знакомым партнером.

– Твой приятель уже скучает за столиком. Табличку какую-то рассматривает. Оставь все ценное у меня и присаживайся к нему. Сейчас подадут закуску, а затем отвезут в нужное вам место. Делайте то, что вам велят без лишних вопросов. Деньги. Если твоя идея с особым столом окажется провальной, получишь счет при следующей встрече. Юноша рассчитается при отъезде. Подходит? Хорошо. За вами придут.

Лия отошла к указанному столу. Едва она устроилась напротив спутника, слуга принес еду. Поглядев на скудное угощение, Чензира вопросительно поглядел на девушку. Как ни равнодушно относился он к еде, но стопка пшеничных лепешек, тарелка с овощами и нарезанный тонкими кусочками овечий сыр показался ему малой наградой за его долготерпение сначала на базаре, а затем в пропахшем мясом и пивом зале таверны.

– У меня есть деньги. Мы вполне можем позволить себе нечто посущественнее.

– Хорошо тебе, при деньгах-то. Но у меня есть дела, в которых и тебе отведена значительная роль. – Лия начала еду с напитка, входившего в состав поданного завтрака. – Нас начали готовить к завтрашней встрече, и я обещала слепо подчиняться всем указаниям. Надеюсь, испытания нам предстоят не слишком суровые.

Разговор был совершенно невнятен. Да и каким ему быть, если рты собеседников были набиты едой, а к столу уже приближалась знакомая служанка.

«Надо же! Яблочный сок», – промелькнуло в голове, но у Адат не было времени выяснять, что же так удивило подругу. Торопливо проглотив то, что поместилось в голодных ртах, и прихватив с собой по лепешке с куском сыра, они были вытолканы из таверны. Казалось, что процесс управления такими серьезными посетителями, к которым с особым вниманием относился сам хозяин, нравится смешливой служанке.

Крытая тележка с бодрым осликом уже ожидала их, и заканчивать трапезу пришлось, трясясь по городским улочкам. Едва они успели проглотить последние крошки, ослик проехал сквозь неприметные ворота, которые, казалось, сами растворились при их приближении. Служанка поволокла Лия в неприметную дверцу домика, стоящего в глубине двора. Чензиру, рванувшегося было следом, перехватил слуга и решительно указал в другую сторону.

«Подчиняйся!» – только и успела крикнуть Лия. Пару бесцеремонно затолкали в разные двери, и что потом стало с товарищем, жертва собственных желаний уже не знала.

Когда ее бесцеремонно начали раздевать, девушка начала было сопротивляться, но разглядев улыбающуюся мордашку служанки и услышав промелькнувший в голове привет от подруги: «Подчиняйся!» – расслабилась и отдалась на волю крепких рук. Очнулась, когда почувствовала, что очутилась в каменной чаше с горячей водой.

«Слава богам! Нанше меня не бросит», – мысль даже не успела полностью сформироваться, а Лия уже погрузилась в полудрему. Так в полудреме и пребывала, пока ее ворочали, поглаживали, дергали за волосы, поливали чем-то ароматным, заворачивали в какую-то ткань и, наконец, погрузили в знакомую тележку.

Тряска и толчки не разбудили размякшую девушку. Она очнулась лишь тогда, когда знакомая служанка растолкала ее со словами:

– Госпожа, хозяин велел непременно разбудить тебя. Уже пошла третья стража. Госпожа!

Лия еще поворочалась, но в голове возник совершенно отчетливый приказ: «Адат, перебирайся в извилину, приходи в себя».

Неожиданно для потерявшей всякую надежду служанки выполнить приказ хозяина, Лия подняла голову и потрясла головой. Резко спустила ноги с кровати, решительно поднялась и несколько минут размахивала руками и ногами, приседала, наклонялась, поворачивалась, чем привела невольную зрительницу в состояние близкое к панике. Но вдруг выпрямилась и, оглядев себя, спокойно спросила:

– Где мое платье? Не могу же я выйти отсюда в нижней сорочке.

Приняв из рук онемевшей служанки новое незнакомое платье, ничуть не удивилась. Быстро оделась, закрутила в узел волосы и заколола их услужливо поданной палочкой. Только сейчас позволила себе улыбнуться и направилась к выходу из незнакомой комнаты.

Чувство чистоты наполняло Лию весельем. Аромат свежего тела достиг самых потаенных уголков разума, свидетельством чему было сладостное: «Ох!», – донесшееся из заветной извилины. Идя по короткому коридору, Тарбит радовалась: «Наконец-то. Свершилось. Лия должна быть довольна. Тело! Ты довольна?» – и ответом ей послужила широкая улыбка, помимо воли растянувшая уголки рта.

*«Еще бы! Почти месяц в походных условиях. Только в реке удалось разок искупаться. И сразу же на пыльный тракт».*

Лия-Тарбит вышла в общий зал и осмотрелась. Пондкай занимал ту же позицию за своим столом, что и несколько часов назад. Служанки готовились к приходу вечерних гостей. В углу возились работники, воплощая в жизнь предложение Лии. Чензира не просматривался.

Служанка провела девушку к накрытому столу, а трактирщик кивком подтвердил правильность действий. Поданная закуска была столь же скудна, как и завтрак. Так что через несколько минут Лия уже подходила к ухмыляющемуся хозяину.

– Я уже красивая? Или еще следует немного поголодать?

По выражению лица Пондкая становилось понятно, что приготовленный заранее ответ на вопрос о качестве еды останется невысказанным. Просто ожидаемого вопроса не последовало. Он не обиделся, не рассердился. Нет, просто исчезла улыбка, а лицо выражало разочарование. Опять не удалось взять верх в разговоре с поселковой пастушкой.

– Не сомневайся. Красивее, чем была, – взглянув на собеседницу, проворчал трактирщик, – для сегодняшней встречи в самый раз.

Знакомая дорога много времени не заняла. Вскоре, добравшись на Красотке до дома Сасина, Лия-Тарбит уже стучала в знакомую дверцу. На этот раз сопровождающего ее слуги не было, действия были более уверенными, чем прежде. Ничего не нужно было прятать и скрывать. Вместе с изменением статуса изменилось и поведение молодой авилумы. Лия чувствовала эти изменения по заинтересованным взглядам мужчин и ревнивым, а иногда завистливым, взорам женщин. Нельзя сказать, что подобное внимание доставляло Лие радость. Напротив. «Уезжать, побыстрее уносить ноги отсюда», – все время звучало в голове.

Дверь открыл Аллаку, перехватил поводья ослицы и указал на знакомую скамейку в глубине двора. Как и при первой встрече, девушка смогла удивить его. И если в поселке она неожиданно блеснула познаниями, то сейчас бросалась в глаза изменившаяся внешность.

Обоюдный кивок головой заменил приветствие. Казалось, что встречают хозяйку дома, только недавно покинувшую жилище из-за мелких хозяйственных дел. Лия уверенно прошла к знакомому столу, удобно устроилась и начала придирчиво выбирать угощение среди горки насыпанных на красивой миске фруктов.

– *Бери покрупнее и послаще, – прошелестело в голове, а рот наполнился слюной.*

– *Не торопись. За нами наблюдают. Если бы не переговоры о деньгах, можно было бы слопать всю миску. Вместе с ней. – Лия вздохнула и выбрала маленький персик.*

Откусила немного, задумчиво прожевала и отложила в сторону. Опершись на ладонь, полускрыла глаза и замерла.

– *И что мы сейчас делаем? – Адат из извилины никак не хотела оставить подругу в покое, – Это сиденье в неудобной позе что-нибудь значит?*

– *Мы тоскуем и раздумываем. Дьявол! Долго не получится. Рука затекает. Попробуем иначе.*

ЛиЯ обернулась по сторонам. Подняла щепку и начала выводить на поверхности стола хаотичные прямые и загогулины. И все это делалось с таким сосредоточенным видом, будто решалась важная задача. Наконец, двери дома открылись, и в них показался Сасин, держащий в руках завернутый в тонкую голубую ткань свиток. Совершенно не торопясь, словно не к гостю приближался, а к партнеру, знакомому по общим делам, Сасин подошел к столу и устроился напротив ЛиИ.

Девушка поставила большой знак вопроса, что выглядело здесь как одна из завитушек среди нацарапанных линий, и подняла глаза. Казалось, что от занятий каким-то важным делом ее отвлекла лишь тень хозяина дома, упавшая на ее записи.

ЛиЯ подняла глаза и улыбнулась.

– Здравствуй, Сасин. Рада видеть тебя в добром здравии, – ЛиЯ-Тарбит щепкой начала затирать рисунки на столе, – первым делом, хочу поблагодарить тебя за помощь. Жрецы в храме были поражены щедростью прихожан, увидев подношения у фигуры Нанше. Мне удалось незаметно покинуть храм, не помешав глубокомысленным размышлениям служителей.

– Боги, ЛиЯ. Все боги, – Сасин ответил улыбкой на улыбку. – Судя по твоему задумчивому виду и загадочным рисункам на столе, тебе снова понадобилась помощь неизвестных благожелателей.

– Что значит жизненный опыт. Один взгляд, и ты уже проник в заботы...

– Только не напоминай мне о бедной, одинокой, несчастной девушке. Или я пожалею, что не поставил на стол миску горячей каши с мясом и гору лепешек вместо фруктов.

– Нет же, нет, Сасин. Как ты мог подумать, что молодая авилума, к тому же твоя дальняя родственница, таким способом будет намекать на желание пообедать за твой счет.

«Только не вздумай отказываться, если предложит», – мысль, проскочившая в сознании, была подтверждена урчанием в желудке.

– И как же молодые авилумы намекают о необходимости перекусить?

– Как поступают неопытные девушки, убежденные, что разговоры на эту тему неуместны при общении с мужчиной, не знаю. А деловые партнеры не считают нужным затрагивать столь мелкий вопрос. Ибо знают, что успешные переговоры завершаются приятным ужином, сопровождаемым ни к чему не обязывающей беседой.

– И сейчас я разговариваю...?

– С деловым партнером. Никаких неопытных девушек, только дела.

– Тогда прошу тебя, ЛиЯ! Никаких овец, ослов, верблюдов и прочей живности. Зная твои замашки и видя твой задумчивый вид, сразу предупреждаю – в мой двор это стадо не поместится. Боюсь, моих гирь не хватит, чтобы взвесить серебро, которое ты должна будешь заплатить за услуги.

– Я уступаю. Следующая уступка за тобой. Достаточно, родственник. Давай перейдем к делу, если ты не хочешь, чтоб переговоры закончились моей голодной смертью. Сначала заказанная работа.

Посерьезневший Сасин освободил место на столе, тряпицей вытер пыль, не обращая внимания на выполненные ЛиИей узоры. Бережно освободил от упаковки свиток из толстой воловьей кожи и развернул его.

ЛиЯ не стала сдерживать своего восхищения, а тихонько ахнула и беззвучно хлопала в ладоши. Не произнеся ни слова, подняла вопрошающий взгляд на вдруг посерьезневшего мастера. Вопросительно подняла брови, и тут же получила молчаливый утвердительный ответ.

Перед восхищенным взором девушки разворачивалась картина встречи богов Шамаша и Сина. Той встречи, которую они оба жаждали, к которой стремились всю жизнь. Весь смысл их существования заключался в погоне за соперником. И неизвестно, кто из них был догоняющим, а кто убегал от погони. И наконец они встретились. Встретились, чтобы в битве решить, кто из них более достоин поклонения людишек, что заполнили всю землю.

Могучий вавилонянин в боевом одеянии несокрушимо стоял под палящими лучами солнца, отражающимися в его медном щите и блестящих деталях снаряжения. Напротив него с сосредоточенным видом приготовился к броску ассириец. Пятна лунного света на его доспехах из толстой кожи подчеркивали грацию гибкой фигуры, а серповидный меч приготовился нанести разящий удар. А между ними в воздухе парила расчерченная на квадраты золотыми и серебряными красками игровая доска. Еще мгновение, и между противниками разгорится настоящая битва, тахаз. Разгорится, но вновь, как и века назад, их вечный спор останется нерешенным. Кто из них достоин больших почестей? Нет ответа. И вновь изнуряющая погоня, и вновь жажда новой битвы.

– Не-ве-ро-ят-но, – прошептала Лия-Тарбит. Застывший было Сасин облегченно выдохнул воздух.

– Невероятно, – повторил мастер. – Я, признанный мастер, ожидаю одобрения неизвестной девчонки. Меня, известного в определенных кругах ювелира, мало интересуют мнения заказчиков. Да и нет их у меня, они неинтересны мне. Я творю для себя, а тут... Как мальчишка! Стою и жду. Невероятно!

– Уважаемый Сасин! Прости меня, недостойную, за все те шутки, что по незнанию позволила себе. Я не знала, кто великодушно позволил мне общаться с ним, как с равным. Прости меня. И позволь удалиться, ибо негоже мне отбирать драгоценное время у великого мастера.

– Удалишься, – облегченно рассмеялся Сасин, – когда рассчитаешься, и я тебе позволю. Или ты, как последняя мошенница, предпочитаешь улизнуть, не расплатившись?

– И при этом остаться без обеда? Нет уж. Я остаюсь.

Беседа вновь приобрела шуточный тон, когда собеседники с удовольствием обмениваются необходимыми уколами и намеками.

На свет появились две деревянных коробочки: сандаловая и эбеновая. Лия уже догадалась, что могут содержать эти вещицы, сами по себе представляющие немалую ценность. Она, едва дотрагиваясь кончиками пальцев, провела по гладкой поверхности крышек, не решаясь открыть их.

– Действительно, твой двор маловат. Здесь не поместится даже табун отборных коней, если бы я решила рассчитывать на ими. Что уж говорить о всяких там баранах и ослах.

«Придется отправлять Аллаку за остатками серебра. А чем-нибудь подешевле никак не обойтись?», – из извилины тоскливо прошептала Адат.

Лия открыла крышки и залюбовалась деревянными цилиндриками, живо наполненными известными ей шашки. Аккуратно достав фигуры, расставила их на доске под пристальным взглядом хозяина.

– Никаких объяснений, Сасин. Все в свое время. Совсем скоро эта игра придет сюда, но не я буду ее создателем.

Под сожалющим взглядом Лии, Сасин бережно уложил на место фигуры, свернул свиток и тщательно обернул его ярко-голубой тканью. Один вид ее заставлял вспомнить безоблачное небо, когда солнце еще не слепило глаза и можно было полной грудью вдохнуть освежающий воздух.

«Сейчас пойдем кушать, или еще нужно торговаться?» – не унимался голос в голове.

Место в центре стола занял свернутый платок того же небесного цвета. Лия замерла в ожидании, но Сасин жестом предложил ей самой развернуть его. Девушка осторожно откинула концы материи, и перед ней показалась тончайшей работы гемма, вырезанная на кости

неизвестного животного. На фоне далеких гор расстилалась долина с множеством прекрасных цветов. Резец мастера смог показать каждый лепесток, каждую травинку, сгибающуюся под легким дуновением ветерка.

Вся миниатюра на пластине шириной в три пальца и высотой в два, была заключена в легкую серебряную оправу. Та сама по себе представляла собой шедевр ювелирного искусства. Верхний край рамки был выполнен в виде легких облаков с проглядывающим из-за них солнцем, а нижний – стоящие спинами в восхищенному зрителю две женские фигуры, чьи ноги утопали в волшебном ковре. Серебряные стебли переходили в соцветия, вырезанные на кости, мохнатая пчелка собирала нектар на мельчайшем цветке. Умиротворение и безмятежность струились на окружающих.

ЛиЯ осторожно подняла к лицу кулон, и на нее повеял аромат весеннего утра цветущего Негева. Она подняла сверкающие глаза, в уголках которых появились слезинки, и прошептала:

– Ты видел это? – И ответом был лишь утвердительный кивок Сасина. – Я не смогу доставить его по назначению без футляра. Я боюсь.

ЛиЯ бережно положила гемму на платок, свернула его, но не подняла, боясь смять и разрушить волшебство. На стол легла еще одна коробочка, на этот раз из кедра. Ювелир сам упаковал драгоценность и вопросительно посмотрел на задумчивую гостью.

*«Очнись. Скоро стемнеет, а ты даже не начала свои мудреные разговоры. Пообедать не успеешь»*, – Адат, почувствовав настроение подруги, решила напомнить о себе. ЛиЯ вздрогнула, отвернулась и промокнула глаза услужливо поданной Сасином тряпичкой. Через минуту на ростовщика смотрела спокойная, уверенная в своих силах молодая авилума. Ничто не напоминало недавних восторгов и проявленного восхищения. Деловой партнер, готовый к скучным переговорам – Сасин даже вздрогнул от неожиданности.

– Уважаемый Сасин. Хватило ли того, что доставил сюда заслуживающий доверия Аллаку, или ему придется вновь наведаться ко мне в гости? Боюсь, как бы мне не пришлось распрощаться со своим участком.

– Не переживай. После того как ты побывала там, мне в тех краях делать нечего. А от твоей передачи даже кое-что осталось.

– И тяжелое это кое-что? Помнится, я еще говорила о печати. Да и твоя кучка бронзовых безделушек мне пригодится. Я даже не успела подумать о таких мелочах. Так что не торопись. Подсчитай, как следует. Будет обидно, если вспомнишь, а меня здесь уже не будет.

На освободившейся столешнице появился небольшой цилиндр со сквозным отверстием и глиняная табличка. ЛиЯ с интересом взяла его, поднесла ближе к глазам и с интересом осмотрела со всех сторон. Ничего не говоря, вдавила его в податливую глину и, прижимая ладонью, сделала отпечаток. Осторожно подняла печать и с удовольствием полюбовалась оттиском.

– Адат, ты этого хотела? – мысленный вопрос Тарбит прозвучал в голове ЛиИ.

– Это даже больше того, что я могла себе представить. Здесь стоят три богини. Тарбит, неужели та, что стоит посередине – это мы?

– Конечно! Слева Иштар, озаренная полной луной, справа – провидица Нанше и река, омывающая ее ноги. А в центре мы на фоне куста с пустой табличкой в руках. Не сомневайся. Все, как есть на самом деле.

ЛиЯ-Тарбит с некоторым недоумением покрутила перед собой цилиндрик размером в половину ее среднего пальца, поставила его на стол.

– Никогда бы не подумала, что такая крохотная вещь может содержать так много сведений. Неведомый мастер смог полностью уловить мое желание, в точности переданные тобой. Или это ты смог так верно понять меня. Как бы то ни было, я попрошу передать ему свою искреннюю благодарность. А у тебя спрошу: не выражал ли он разочарования от полученной оплаты? Мне было бы неприятно услышать нечто подобное.

– Удивительная, все-таки, мне родственница встретилась! – засмеялся Сасин. – Камнерез вполне удовлетворен полученной оплатой. Правда, ему пришлось отложить в сторону несколько заказов. Единственное, что его заинтересовало, так это почему в центре стоит Нисабу, а не Иштар. Но я заверил его, что именно таково было пожелание заказчицы. Ведь так?

– Совершенно верно. Но пора всерьез заняться нашими денежными делами. Если я никому не должна за выполненную работу, – в ответ на свой вопросительный взгляд ЛиЯ получила успокаивающий жест Сасина, – то мне хотелось бы перейти к обсуждению дальнейших перспектив нашего сотрудничества.

«А *ужин?*» – жалостливо прозвучало в голове.

## Глава 4

Белая ослица послушно следовала за черным мулом в надвигающихся сумерках летнего вечера. Две тени на тянувшихся вдоль улицы дувалах неусыпно следили, чтобы связь между ними не прервалась, и недовольно причудливо изгибались, когда приходилось прерываться, чтобы обогнуть стоящую у чьих-то ворот телегу или встречного путника. Но ни неторопливо идущие четвероногие, ни их пассажиры даже не подозревали о заботах молчаливых сопровождающих.

Почему? Все, как обычно в дороге, когда по сторонам особо любоваться нечем, а спутника, желающего поболтать, тоже поблизости не наблюдается. Но если Аллаку вынужден был задавать вопросы самому себе и выискивать подходящие ответы на них, то два сознания, приютившиеся в сознании ЛиИ, могли себе позволить девичью болтовню. Правда, она не касалась обсуждения знакомых мужчин или виденных совсем недавно украшений, а напоминала вечер вопросов и ответов.

– Объясни мне, подруга, – Адат первая прервала молчание, – мы закопали наши деньги глубоко в землю или просто отдали их полужнакомому человеку. Ты ведь сама рассказывала, что у моавитян скверная репутация.

– Отдали. Правда, не все. И не насовсем. Первым делом, хочу поблагодарить тебя за терпение и доверие. Второе – повторить, что ты лучшая. Я бы не выдержала, если бы на моих глазах с таким трудом добытые деньги так бездумно тратили. И на что? Ну ладно, украшения для дорогих тебе людей. Но кучу серебра на подарки жрецам и этому напыщенному солдафону? Фу! Это уж слишком!

– Ну так что же ты?! Хочешь мину серебра? Возьми. Тебе мало? Так заberi, ради богов, пол таланта! Мне не жалко. У меня столько этих блестящих кусочков на участке разбросано, что бедной Гиле лапу поставить некуда. Еще и раба приходится уговаривать, чтобы не выращивал на огороде серебряные фасолины с золотыми бобами.

– И опять ты права, Адат. Чтобы такого несчастья с нами не случилось, чтобы не налетело воронье на огород, выросший на нашем поле чудес, я и решила выращивать вместо надоевшей всем фасоли серебряные финики и золотые орешки. Намного вкуснее получается. И садовник за ними ухаживать опытный будет. А чтобы никто и подумать не смел позариться на наш урожай, еще и наказала плату охраннику платить регулярно и без всякой задержки. А что по поводу денег, так Сасину хуже. Он ведь берет чужое и на время, а отдавать придется свое и навсегда. А это всегда больше. Хотя свой интерес все равно получит.

– Тарбит. Я в этом совсем ничего не понимаю. Ну, почти совсем. Тебя послушала, хоть слова незнакомые перестали пугать. Но объясни, только как для самых непонятливых, до чего вы доторговались? Да еще и так, что за разговорами о еде забыли. Теперь вся надежда на Рабити. Если и там о ЛиИ не вспомнишь, живот отомстит. Еще и то, что сзади пониже спины на помощь позовет.

– Уговорила. Только о еде не вспоминай. Чувствуешь, как заурчало, где не надо. А Сасин? Первым делом, скромненько так, поинтересовалась – а хватило ли тех денег, что Аллаку привез? Не обижен ли кто, а в первую очередь уважаемый родственник, оплатой? И потупилась, ногомком стол ковыряю. Будто смущена тем, что вопрос о презренных деньгах задаю, когда речь идет о шедеврах. Но Сасин успокоил. Сказал, что хватило, и даже осталось на всякие женские мелочи. Тут я вздохнула, глаза подняла, и спросила: «Сколько?». Похоже, он не ожидал такого поворота.

Ожидал, не ожидал – разбираться я не стала. Ничего, конечно, не требовала, но отчет получила подробный. Кому, за что, сколько – все, как положено. Он когда закончил, остано-

вился, да так и застыл с открытым ртом. Видно, сам не ожидал, что придется отвечать перед девчонкой.

Ну, я его и успокоила. «Да что ты, – говорю, – уважаемый Сасин. Я ведь вовсе не о том... Да как ты мог подумать... Да мне бы только знать, много ли осталось. Да у меня и в мыслях не было...».

А он вдруг встряхнул головой так, будто наваждение отгонял, и говорит: «Не знаю, боги ли, дьяволы ли свели меня с тобой, но мне, наверное стоит держаться подальше от тебя». Но тут я ему сделала предложение, от которого он не смог отказаться. Совсем как злодеи сделали Пондкаю. Помнишь? Но если Пондкай вынужден был работать за страх, то Сасин – за деньги. Какой ростовщик отпустит от себя клиента к соседу? Никогда! Весть об этом быстро разлетится. Считай, репутация потеряна, а с ней и доход.

– Тарбит. Столько слов, а я так и не поняла, в чем же наша выгода. Только незнакомых выражений наслушалась. Ты мне скажи. У нас серебра хватит с наемниками рассчитаться, или к отцу опять пойдем?

– Не перебивай! Не сбивай с мысли. Оказалось, что у нас на все хватит. Даже не учитывая доли от приданого. Но ее мы, конечно, не отдадим. Пригодится.

Начала я с судьи. Помнишь, обещали мы ему в случае, если все законы соблюдены будут, премию к праздникам. Но это недорого. Я объяснила ситуацию Сасину и предложила две мины серебра, то есть сто двадцать сиклей, отдать ему в рост. А он пятую часть в виде дохода будет каждые полгода отдавать судье. Так он только засмеялся, и сказал, что даже ради наших прекрасных глаз себе в убыток работать не будет. Даже закон напомнил, где оговорена максимальная доля ростовщика – пятая часть в серебре. А поскольку он брать у меня деньги в долг не собирается, то и платить столько не намерен. Предложил взять на себя хлопоты, если получит от меня четыре мины. Представляешь! За какую-то десятую часть отдать столько денег. И ведь не прикинешься бедной и несчастной. Знает ведь, что у нас такие деньги есть. Немножко словами поперебрасывались. Но это чисто для порядка. Сошлись на трех. Он свою долю иметь будет, а через двадцать лет отдает нам две мины, а третью оставляет себе в качестве премии.

Не устала? Потом рассчиталась за его работу. Но тут даже торговаться и не думала. Взял столько же, сколько нам стоили жрецы. Я еще раз поблагодарила, а он принялся перечислять всякую всячину. Тут и возражать-то было нечего. Пол мины за бронзовую мелочь, что Аллаку привез. Да столько же за печать – и не деньги вовсе после предыдущих трат.

Аллаку притащил семь кошелей по мине серебра в каждом, и еще небольшой с золотом на мелкие расходы. С Пондкаем рассчитаться хватит.

Сасин начал прибирать со стола, но я удержала. Считай половину добра истратили, пора было пристраивать вторую.

Я снова скромненько спрашиваю: на что, мол, теперь жить, после таких-то трат. На что получила ответ: «Боги помогут!». Грубовато получилось. Сасин и сам это почувствовал, глаза отвернул. Но я особо вида не подала, только заметила, что боги уже помогли, теперь его очередь.

Ростовщик почувал запах денег. Опустился за стол напротив. В глаза смотрит. Ждет продолжения.

А мне эти игры надоедать начали. В животе бурчит, глаза устали, в плечах ломит. Я ему и выложила. Есть у меня еще талант серебра. И хочу я одну половину у него оставить под такой же процент, как раньше, а вторую получить в том месте, куда переберусь.

Опять торговля началась. Ты сама все слышала. Все охи-вздохи, клятвы и проклятия, доли и налоги, мины и шеумы. Мне казалось иногда, что нахожусь на каком-то экзамене и меня проверяют со всех сторон, будто хотят назначить на должность секретаря при наместнике. Прилично надоело, но и сдаваться нельзя было. В другой раз вообще облапошат, если слабинку заметят.

Результат таков: пол таланта серебра мы отдаем в рост под десятую часть на двадцать лет под сложный процент. Еще и объяснять пришлось, что это такое. Так что за них мы получим в конце концов три таланта и двадцать один сикль. Начались шуточки – мол столько никакой осел не увезет. Но я успокоила, сказала, что прибуду на верблюде.

Вторую половину оставляем здесь и получаем запечатанный полый глиняный шар, внутри которого будет находиться табличка с указанием суммы, причитающейся мне. Тут же ее и составили. А я еще и печать нашу опробовала. Да ты сама видела. Чувствовалось, что тебе понравилось. Оставили за это три кошеля. Ничего. Нам пока хватит, а тащить меньше придется. Знаешь, никакой жалости от того, что серебро отдала нет. Даже облегчение какое-то. Не нужно думать, как и где его пристраивать. Главное – работают.

– А мне как-то жалко. Была такая гора денег! Чуть с лестницы не свалились, пока с полки вытаскивали. Потом чуть руки не оторвались, когда с Чензиром тащили. А сейчас что? А теперь что? Несчастные четыре мины серебра да тощий кошелек за пазухой!

– С каких это пор такие деньжищи стали несчастной чепухой? Адат, приди в себя. Не гневи Иштар! Ведь отберет и не задумается. Лучше поблагодари, что помогла удачно договориться.

– Ой, извини. Я в извилину. Если у Устада начнут угощать, не отказывайся.

Лия-Тарбит вздрогнула, услышав непривычное для слуха обращение к себе: «Нин, госпожа! Прибыли». Подняв глаза на удивленно взиравшего на нее Аллаку, улыбнулась и кивнула. Только сейчас поняла, что уже давно стоит у дома Устада, а провожатый напрасно пытается привлечь к себе ее внимание. Поблагодарила спутника и привычно постучалась в знакомую калитку. Ждать долго не пришлось. Звуки на тихой улице в уже сгушавшихся сумерках разносились отчетливо, и слуга сразу поспешил на шум, издаваемый прибывшими.

Аллаку даже не захотел слезать с мула, а развернулся и направился в обратный путь. Красотка уже привычно входила во двор и, не обращая внимания ни на хозяйку, ни на знакомого слугу, направлялась к сараю, откуда доносилось удовлетворенное пофыркивание Люция. У летней кухни застыла Рабити. Чувствовалось, что здесь ожидали Лию, даже несмотря на то, что она не сообщала о своем приезде.

С некоторым трудом усмехающемуся слуге удалось остановить нетерпеливую ослицу. Не обращая внимания на борьбу упрямого животного с непонятливым человеком, девушка соскочила с седла и направилась к застывшей кормилице. Устад, остановившийся на пороге дома, с доброй улыбкой наблюдал за встречей двух таких разных женщин, обладающими родственными душами.

Обошлись без слов. Лишь объятие и обмен волнами нежности. Потом Рабити отпрянула, отвернула повлажневшие глаза и засуетилась возле кухонной утвари. Лия, неуклюже передвигаясь (наступавшие сумерки давали о себе знать), начала снимать дорожные сумки и укладывать их на скамью.

Наконец вся суэта затихла, можно было остановиться и перевести дух.

– Неужели в этом доме к моему приезду уже все съели, – знакомые нотки прозвучали в голосе девушки. Показалось, что застывшее в ожидании ее приезда жилище ожило, вечерние звуки окрасились новыми красками, даже гомон птиц, устраивающихся на ночевку, стал громче и веселее. – Придется голодной ложиться спать, ведь до трактира мне уже не добраться. Хотя постойте. Может у Люция сохранилась морковка, и он не даст мне умереть от голода.

– Не надо было так задерживаться, – нарочито проворчала Рабити, – теперь придется все разогревать. Постой, дай разглядеть тебя. Совсем изменилась. Где это так постарались? Устад! Ты помнишь ту испуганную девчонку, что совсем недавно ночью постучалась в наш дом? А сейчас? Может, она специально прикидывалась, а теперь решила открыться перед нами? Лия, Лия. Не стоит тебе показываться на глаза наместнику. Точно не отпустит.

– А я ему Чензиру оставлю. Пусть потрудится. Завтра, с самого утра, я покину вас. Хозяин таверны обещал подготовить меня к торжественному выходу перед взором Шалиты. Даже самой интересно, что он задумал, когда пристально рассматривал меня со всех сторон. В одном я уверена – завтракать снова не придется. Устад, Рабити! Не сочтите за труд забрать меня с Чензиро из таверны. Боюсь, вернуться сюда у меня возможности не будет.

Дружеская пикировка совсем разрядила обстановку, и все потянулись в комнату, ставшую свидетельницей семейных встреч и интересных разговоров.

Сначала Лие-Тарбит было не до разговоров. Подгоняемая одобрительными возгласами Адат, (*«Мы еще ту большую рыбу не ели. Ой! Тут же еще и мелкая есть, жареная. Пивом нужно запить! Ну, Тарбит! Совсем немного, один глоточек! Каша с соусом получилась изумительно, а баранина с финиками... Возьми добавки. Не стесняйся, сделай хозяевам приятное. Хорошо, что очанка начала действовать! Хоть видно, что на столе стоит, что в рот кладешь. У-уф! Хорошо! Пондкай? А что Пондкай? Да ничего он не скажет! К тому же это будет завтра. И неизвестно еще, чем завтрашний день закончится. Может в конюшнях дерьмо за митаннийскими любимцами убирать придется, не к столу будь сказано. Соус к мясу взять не забудь»*), под одобрительными взглядами хозяев Лия позволила себе расслабиться после целого дня воздержания. После обильного ужина обмякла, откинулась на стуле. Пришло время разговоров.

Сегодня Устад в основном помалкивал, предоставив слово Рабити. А та принялась вспоминать наряды жен, любовниц, наложниц придворных митаннийского двора. Рассказывала о прекрасных украшениях, золотых безделушках, жеманных позах соперниц за внимание высших сановников и самого царя. Вслух, конечно, ничего не говорила о предстоящем походе, но явно сожалела, что здесь, в глухой провинции, невозможно соперничать с виденной ею роскошью. Все повторяла: «Ничего, ничего, мы тоже не хуже».

Воспользовавшись перерывом в воспоминаниях, Лия встала и подошла к лежащему на рабочем столе свертку. Устад помог ей освободить свиток от закрывавшей его материи и невольно отступил. Извиваясь в колеблющемся свете светильников, фигуры соперников задвигались. Их одежда переливалась, боевое оружие мелькало в крепких руках, на лицах отражалась решимость сражаться до победы. Рабити охнула.

– Лия. Можешь идти в платье пастушки, в котором ты первый раз появилась здесь. На тебя все равно никто смотреть не будет. Если бы я была знакома с мастером, сотворившим это чудо, в те далекие времена, когда еще на меня обращали внимание во дворце...

– Я сама не знаю кто он. Нам ли общаться с гением, – Лия наклонилась к уху женщины, – пойдем в сторону. Сядем, пока Устад рассматривает картину. Закрой глаза. Сейчас ты познакомишься с настоящим волшебством, сотворенным только для тебя.

Рабити ощутила в руках кулон. Осторожно ощупывая пластинку пальцами, она погружалась в показанный ей совсем недавно мир покоя. Мир, где боги освободили ее от страшного наваждения. Вот она нащупала два силуэта, пальцы замерли. На нее пахнуло ароматом цветов, волны тепла поднимались от медальона и пронизывали все тело, едва заметное дуновение воздуха ласкало лицо, заставляя улыбаться. Не хотелось открывать глаза и покидать волшебную долину. «Рабити, пора возвращаться», – прошелестело в голове. Рабити открыла глаза и увидела перед собой улыбающееся лицо.

– Лия! Зачем тебе куда-то идти? Оставайся с нами. Здесь будет лучше. Нет! Не слушай меня. Дети всегда покидают отчий дом. Пусть не всегда вспоминают о нем, но знают, что там их ждут. Я верю. Ты не забудешь. Мы иногда будем встречаться в нашей цветущей долине? Конечно, конечно, будем.

Она замолчала. Кто знает, какие мысли и воспоминания возникали в сознании женщины, вновь обретшей смысл существования. Теперь, когда ладони бережно сжимали волшебный амулет, когда страхи остались в прошлом, в памяти всплывали лишь картины радостных дней,

коих, как оказалось, было немало в прошлой жизни. Рабити вздохнула, будто пробуждалась ото сна.

– Девочка моя! Все же никак не могу понять, зачем тебе нужна встреча с наместником? Если ты хочешь уехать из наших краев, то стоит ли напоминать о себе? Неужели ты ожидаешь, что разговор с солдафоном, помешанным на войнах и охоте, может помочь тебе в новой жизни? Мне хотелось бы предостеречь тебя от необдуманных поступков. Хотя, о чем это я? Какие могут быть необдуманные поступки у той, кто общается с богами? Прости старуху. Совсем забыла, кого мне послала судьба.

– Ты, как всегда, права, – ЛиЯ отвечала так, будто еще раз убеждала себя в правильности своего решения, – конечно, права. Но, куда бы я ни направилась, мне предстоит оказаться в окружении совершенно незнакомых людей, которые будут видеть перед собой лишь слабую беззащитную девушку. У наместника Шалиты, я уверена, много знакомых среди таких же, как он посланцев царя во всех уголках Митанни. Возможно, удастся получить от него письмо, с которым мне будет открыт путь к одному из них. Дальнейшее сложится как на то будет воля моих покровительниц, но первые шаги будут сделаны.

– Знаешь, я даже не сомневалась, что тихий уголок, куда хотела бы забиться «слабая беззащитная девушка», не существует. И при встрече, которую я начну ожидать сразу, как только увижу хвост Красотки, нас с Устадом порадуют новыми историями.

– Еще один вопрос мучает меня. Не скажу, чтобы очень сильно, но все же... Один странник, которому новые знания были дороже спокойной обеспеченной жизни, оставил отчий дом. Он признался в разговоре, что сложнее всего покидать новых друзей, с которыми его сводит судьба. Особенно тех, кому ему, случайному встречному на жизненном пути простых людей, выпадает сделать для них нечто приятное. Пусть это будет суцая мелочь, но все же... Мне запомнились его слова: «Мы в ответе за тех, кого приручили».

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.